

УДК 7.034, 7.078, 72
 ББК 85.103(2), 85.11
 DOI: 10.51678/2073-316X-2025-3-228-273

Алла Аронова

Анна Иоанновна vs Петр I: 1730–1731 (К вопросу о наследии)

Статья посвящена анализу архитектурных инициатив, которые возникли в период пребывания императрицы Анны Иоанновны в Москве в 1730–1731 годах. В поле зрения находятся объекты, относящиеся к наследию Петра I, как фигуры приоритетной в ряду ближайших предшественников императрицы. Исследуется характер взаимодействия новой власти с такими нововведениями, как оформление публичных шествий и фейерверков. Особое внимание уделено дворцовому строительству. Анализ обстоятельств бытования петровского московского наследия в Аннинскую эпоху показывает определенную стратегию памяти, суть которой в выборе приоритетов. Новая императрица, подтверждая преемственность правления, одновременно заявляла о намерениях формировать имидж власти, соответствующий архетипу абсолютизма, следствием чего оказалось изменение концепции дворцового комплекса и фокусировка публичных мероприятий исключительно на фигуре императрицы.

Ключевые слова:

Петр I, Анна Иоанновна,
 Растрелли, Кремль,
 Головинская усадьба, Анненгоф,
 дворец, харизматическое правление,
 абсолютизм.

Роскошь есть не качество предмета, которым владеют, но качество самого владения.

Жан-Поль Сартр [44, с. 724].

16 (27)¹ января 1732 года императрица Анна Иоанновна совершила торжественный вход в новую столицу Российской империи город Санкт-Петербург. Этим действием она предъявила подданным главный тезис своего правления – жизнь подвластного ей государства продолжится по плану, составленному ее родным дядей Петром Великим.

Аннинская программа правления, «сформулированная, – по мнению историка Н. Петрухинцева, – в самом начале царствования под несомненным влиянием дворянских требований 1730 г., в первую очередь продемонстрировала непосредственную преемственность с внутриполитическим курсом, намеченным “верховниками” в 1727 г., направленным на завершение внутриполитической программы Петра I при одновременной довольно существенной ее ревизии, предусматривающей уменьшение податного бремени крестьянства и создание благоприятных условий для развития экономики страны. Преемственность неудивительна, так как программа выработывалась представителями политической элиты того времени, оставшейся у власти и в первое время царствования Анны Иоанновны» [38, с. 100].

Отмеченная «ревизия» петровского наследия при явном прослеживаемой преемственности – черта, которую можно проследить в характере взаимодействия новой императрицы с архитектурными артефактами Петровской эпохи. Так, вернувшись в 1732 году в петровский «парадиз», она отвергла последний императорский Зимний дворец как место своей резиденции², Троицкую площадь как главную площадь города³ и Неву как пространство городской коммуникации⁴.

1 Все даты в статье даны по юлианскому и григорианскому (в скобках) календарям.

Причины этой избирательности могут быть объяснены как *субъективными*, так и *объективными* факторами. Прежде чем вернуться в Петербург, жизнь императрицы протекала в Москве, Петербурге и Митаве.

Средняя дочь царя Ивана Алексеевича родилась в 1693 году в Москве и постоянно жила здесь до 1708 года⁵, после чего сначала на несколько месяцев в 1708 году⁶, а потом в 1710 году⁷ на два с небольшим года переехала в Петербург, откуда уже вдовой Курляндского герцога Фридриха-Вильгельма отправилась в столицу Курляндии Митаву в 1712 году⁸ и провела там в статусе Курляндской вдовствующей герцогини с краткими выездами в Москву и Петербург 18 лет, вернувшись в Москву в феврале 1730 года уже российской императрицей Анной Иоанновной⁹.

- 2 Местом постоянного пребывания в Петербурге был выбран дворец генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина, построенный в 1716–1718 годах. В оформлении его фасада принимал участие архитектор А. Леблон [31, с. 156]. Этот дворец уже в 1725 г. попал в придворный обиход. Здесь после свадьбы в 1725–1727 годах жил герцог Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский и его супруга царевна Анна Петровна. В 1728 году граф завещал дворец императору Петру II, то есть здание перешло в казну [28, с. 218–220]. В августе 1730-го здесь разместили испанского инфанта дона Эммануэля (Санктпетербургские ведомости [далее — СПб], 1730. № 71. С. 284).
- 3 Для торжественно въезда в Петербург властями города были сооружены три триумфальные арки: две на Невской перспективе у мостов через Фонтанку и Мойку и третья на Троицкой площади Городового (Петербургского) острова [39, № 5862, с. 550; 24, с. 259–261]. Причем последняя арка на главной площади петровского Петербурга, сооруженная по проекту архитектора Д. Трезини, отличалась от первых двух размерами, композицией и убранством. Она была трехпролетная, двухъярусная, венчалась фигурным аттиком. Фасады декорировали колонны ионического и коринфского ордера, многочисленные живописные полотна (Г. Гзель, Г. Ипатов) и скульптуры (К. Оснер, К. Ген) [24, с. 261]. Художественные особенности этой арки свидетельствовали, что ее создатели предполагали Троицкую площадь конечной точкой и кульминацией торжественного входа в город императрицы. Однако движение императорского кортежа остановилось на Адмиралтейском лугу у Адмиралтейского дома. Как писали «Санктпетербургские ведомости», шествие двигалось «до Исаковской церкви и до императорских палат» (СПВ. 1732. № 6. Супплемент. С. 27). В церкви Исаакия Далмацкого Анну Иоанновну приветствовали представители Синода, а на ступенях дома Апраксина «встречена Ея императорское Величество от императорской фамилии, от всех знатных дам, Штатских Министров, гражданских служителей и Академии Наук на первой ступени палат» (СПВ. 1732. № 6. Супплемент. С. 28). Драматургия первого торжества императрицы Анны Иоанновны показала, что фокус пространственных предпочтений власти изменился. Главная городская площадь осталась невостребованной, а «императорские палаты» обрели новые свойства, впервые став сценическим задником в спектакле презентации новой российской власти.
- 4 Императрица Анна Иоанновна не испытывала любви к перемещению в пространстве по воде. За 8 лет ее жизни в Петербурге эпизодов устройства императорских кортежей на Неве крайне мало: это редкие поездки в Петропавловский собор и Александро-Невский монастырь. В отличие от своего великого дяди, она предпочитала сушу и формировала локацию власти на территории Адмиралтейского острова [4, с. 260–281].
- 5 В 1696 году после смерти царя Ивана V царица-вдова Прасковья Федоровна переехала с тремя дочерьми из Кремлевского дворца в царскую усадьбу в селе Измайлове [47, с. 9].

Исходя из этой канвы пространственных перемещений, можно сделать вывод, что нежелание передвигаться по Неве и использовать в качестве центра города Троицкую площадь было следствием субъективной нелюбви императрицы к воде, всеми прелестями которой она наслаждалась в 1708 и 1710–1712 годах, когда по воле своего дяди неоднократно участвовала в различных шествиях на судах по Неве и Финскому заливу, в том числе и во время своего бракосочетания с курляндскими герцогом¹⁰.

Негативное отношение в речным и морским вояжам представительниц женской половины царского семейства подметил датский посланник Ю. Юль, посетивший русского царя на яхте «Лизета» вблизи Кроншлота в мае 1710 года, куда одновременно прибыла царица-вдова Прасковья с дочерьми:

Достаточно вспомнить отращение, которое вообще испытывает женский пол к морю, чтобы судить об удовольствии, с каким они совершали [это путешествие]. [Тем не менее] царь почти всегда берет их с собою в плавание и предпочтительно в свежую погоду; запирает их наглухо в каюту, пока их хорошенько не укачает и, salvo honore, не вырвет; тут только он [доволен], так как в этом находит первое свое удовольствие и развлечение. [Вообще] царь нарочно выискивает людей, не переносящих моря, берет их с собою в свежую погоду и все лавирует с ними против ветра [52, с. 165].

- 6 25 апреля (6 мая) 1708 года Анна Иоанновна с семьей впервые приехала в Петербург. Причем последний этап путешествия до Шлиссельбурга и от Шлиссельбурга до Петербурга был совершен по воде по желанию Петра [47, с. 18]. Семья царицы-вдовы поселилась в доме петербургского губернатора А. Д. Меншикова на Городовом острове, а затем переехала в собственный дом, стоявший также на невской набережной Городового острова. Уехала вся царская семья в Москву после отъезда Петра в Нарву 25 июня (6 июля) 1708 года [40].
- 7 28 марта (8 апреля) 1710 года в Петербург прибыли царицы-вдовы Марфа Матвеевна и Прасковья Федоровна, последняя с тремя дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей [52, с. 156]. Семья Прасковьи Федоровны поселилась в том же доме, что был построен в 1708 году.
- 8 15 (26) июня 1712 года Анна Иоанновна с матерью и сестрами, простившись в Петергофе с Петром I, отправилась в Ригу [45, с. 216].
- 9 10 (21) февраля 1730 года Анна Иоанновна приехала из Митавы в село Всехсвятское под Москвой [15, с. 231].
- 10 Описание свадьбы Анны Иоанновны и курляндского герцога Фридриха Вильгельма со всеми подробностями перемещений свадебного кортежа по Неве в течение нескольких дней см.: [52, с. 263].

Отказ от петровского Зимнего дворца был продиктован объективными причинными, в основе которых лежало иное, по сравнению с эпохой Петра, но привычное с точки зрения европейской постренессансной традиции, понимание пространства репрезентации власти в контексте правительственной резиденции. Для Петра это пространство динамично и связано с любой локацией личного присутствия государя, поэтому в Петербурге 1700–1720-х годов столь значимым оказывается русло реки Невы, где разыгрываются главные городские спектакли: триумфальные процессии, брачные кортежи, травестийные гуляния, публичные шествия. Дворец Петра, стоявший на набережной Адмиралтейского острова, полностью соответствовал этой концепции репрезентации. Анна Иоанновна изначально утверждала иную систему публичного представления власти. Теперь она стала статичной и жестко связанной с дворцом, его местоположением в городе и архитектурным решением. В 1730-е годы начался процесс «стягивания» архитектурной ткани столицы к месту императорского пребывания. В окружении нового Зимнего дворца императрицы, простроенного Франческо Растрелли, появились площади и улицы, где пребывание властной особы было постоянным, публичным и церемониальным.

Таким образом петербургское наследие Петра было критично воспринято новой российской императрицей и переосмыслено сообразно изменившейся модели власти. На смену харизматическому образу правления, приходил традиционно авторитарный [14, с. 178–184].

Стоит отметить, что, прежде чем императрица переехала в Петербург, где прошли последние восемь лет ее жизни, она почти полных два года (без одного месяца) находилась в Москве¹¹, городе, с которым у нее были связаны воспоминания детства и юности¹². С одной стороны, здесь все было знакомо: кремлевские дворцы, измайловская усадьба, монастыри, с другой, на городе лежала печать Петра I, изменившего его семантику.

Кремль, многовековая резиденция русских царей, был заброшен, никто из императорской семьи там не жил с 1710 года¹³. Он дважды «просыпался» от латаргического сна: в 1724 и в 1728 годах, когда здесь проходили коронационные торжества Екатерины I и Петра II.

11 С 15 (26) февраля 1730 (горжественный вход в город) [15, с. 232] до 8 (19) января 1732 года (отъезд в Петербург) [46, с. 408].

12 Прожив полных 47 лет, Анна Иоанновна почти 18 лет провела в Митаве и примерно столько же в Москве.

Местом пребывания власти на протяжении 30 лет стали небольшие царские усадьбы на Яузе: Преображенское и Головинская, а также Немецкая слобода, где стоял роскошный дворец Франца Лефорта, реконструированный Александром Меншиковым. Регулярно проходившие в Москве в правление Петра I многолюдные публичные торжества, сопровождавшиеся военными шествиями под триумфальными арками, сформировали новую семантическую пространственную структуру, указывающую на локусы присутствия власти в городе.

Отмеченный выше процесс изменения характера взаимодействия власти в лице императрицы Анны Иоанновны с городом как пространством репрезентации правителя начался в Москве, а затем реализовался в Петербурге. О том, как это происходило, свидетельствовали факты взаимодействия аннинского двора с московским наследием Петра.

Пространство древней столицы за первые 30 лет XVIII века подверглось обновлению, чему способствовала проводимая Петром политика актуализации светской публичной жизни города. Именно этому служили триумфальные военные шествия, маскарадные гуляния и устройство фейерверков, за которыми закреплялись определенные городские территории, маршруты и места. Носителями визуальной информации о новых локациях присутствия государственной власти выступали прежде всего триумфальные арки и триумфальные комплексы, в меньшей степени — театры фейерверков. Архитектура новых царских/императорских дворцов не играла в этом процессе никакой роли, в отличие от их местоположения.

МАРШРУТЫ ШЕСТВИЙ

В какой степени сложившиеся маршруты публичных празднеств были востребованы новой императрицей?

При Петре Москва восемь раз становилась местом проведения военного триумфа¹⁴, причем шесть из них состоялись в то время, когда

13 После отъезда царского семейства (цариц-вдов, царевен-племянниц) в Петербург в 1710 году в Москве остались: единокровная сестра Петра царевна Екатерина Алексеевна, проживавшая до своей смерти в 1718 году в светлицах у Новодевичьего монастыря [49, с. 169]; царевна Евдокия Алексеевна, жившая постоянно в Новодевичьем монастыре до смерти в 1712 году; царевна Феодосия Алексеевна, монахиня Успенского монастыря в Александровской слободе, где умерла в 1713 году. Царевна Мария Алексеевна переехала в Петербург в 1714 году [41, с. 98, 102, 105].

14 Подробнее о маршрутах триумфальных шествий см.: [7, с. 148–185].

Анна Иоанновна еще жила в Москве и могла быть их свидетелем. Это Азовский (30 сентября (10 октября) 1696), Нотебургский (4 (15) декабря 1702), Шлотбургский (Ямбургский, Копорский; 11 (22) ноября 1703), Нарвский (Ивангородский, Дерптский; 19 (30) декабря 1704), Митавский (19 (30) декабря 1705), Полтавский (21 декабря (1 января) 1709) триумфы. Отмеченные военные шествия имели только два маршрута, в начале которого были либо Серпуховские, либо Тверские ворота Земляного города, в середине — Воскресенские ворота Китай-города, а в конце Мясницкие ворота Земляного города

Во всех случаях путь победителей пролегал через центр столицы, но при движении от Серпуховских ворот он проходил через кремлевскую резиденцию, а от Тверских ворот — сразу направлялся на Красную площадь к Казанскому собору, оставляя Кремль в стороне. В пространстве за Кремлем оба маршрута совпадали: войска шли по Никольской и Мясницкой улицам до Мясницких ворот Земляного города, после чего расходились по местам дислокации за пределами города, а государь, всегда участвовавший в военных шествиях, направлялся либо в Преображенское, либо в Немецкую слободу.

К триумфальным шествиям следует добавить маскарадные: шутовскую свадьбу Феофилакта Шанского с княгиней Шаховской в январе 1701 года¹⁵ и шествие на корабельных судах во время празднования Ништадтского мира в январе 1722 года¹⁶. В обоих случаях актуальными оказывались те же части города, что и в военных праздниках.

На этих маршрутах возводились триумфальные арки, причем основное их число приходилось на Никольскую и Мясницкую улицы, а Тверская лишь в 1721 году получила триумфальное оформление в воротах Белого города.

При Анне Иоанновне за маршрутом по Тверской окончательно закрепляется статус коронационного¹⁷. Здесь 15 (26) февраля 1730 года она, повторив шествие Петра II¹⁸ двухлетней давности, церемониально

15 26 (6 февраля) января 1701 года свадебное шествие прошло из Китай-города от Богоявленского собора в Лефортовский дворец в Немецкой слободе по Никольской и Мясницкой улицам [13, с. 63].

16 31 (11 февраля) января 1722 года шествие на судах началось из села Всехсвятского и прошло по Тверской, Никольской и Мясницкой улицам до Красных ворот Китай-города [9, с. 316–322].

17 До конца правления дома Романовых каждый вновь восходивший на российский престол монарх торжественно въезжал в город перед коронацией этим маршрутом.

въехала в город под тремя триумфальными арками и этим же маршрутом покинула столицу 8 (19) января 1732 года¹⁹, скорее всего, проехав под продолжавшими стоять тремя триумфальными арками в Петербург.

Отметим, что использование атрибутов коронационного въезда Петра II было отчасти вынужденным, так как призвание племянницы Петра I на российский престол было незапланированным и внезапным. Между решением Верховного тайного совета о приглашении Анны Иоанновны 19 (30) января 1730 года²⁰ и ее въездом в Москву прошло 28 дней, тогда как на подготовку коронационного торжества Петра II ушло более 4-х месяцев²¹. Сценография коронационного въезда Петра II в феврале 1730 года была полностью заимствована, а триумфальные сооружения отредактированы сообразно новой героине торжества²² — другого варианта у устроителей торжества не было из-за спешки.

Единственное отличие от маршрута, сложившегося в петровское время, состояло в том, что и Петр II и Анна Иоанновна закончили коронационный въезд в город в кремлевской резиденции, то есть вторая часть триумфального пути — Никольская и Мясницкая — были из него выключены, как следствие, концентрация триумфальных сооружений переместилась на Тверскую.

В течение своего пребывания в Москве, живя в Кремле, императрица периодически совершала выезды. В 1730 году 1 (12) мая она посетила Головинскую усадьбу [15, с. 240], а 24 мая (5 июля) переехала на лето в Измайлово²³, в 1731 году 10 (21) июля отправилась в усадьбу

18 4 (15) февраля 1728 года Петр II совершил торжественный въезд в Москву перед коронацией (СПВ. 1730. № 12. С. 48).

19 СПВ. 1732. № 14. С. 22

20 Император Петр II скоропостижно скончался от оспы в первом часу ночи 19 (30) января 1730 года [33, с. 378–380].

21 Коронационная комиссия начала работать 29 сентября (10 октября) 1727 года, 11 (22) октября последовал указ о строительстве триумфальных арок, к 24 октября (4 ноября) определились с местоположением арок на Тверской улице: перед воротами Земляного, у ворот Белого и Китай-города. Последние работы датируются январем 1728 года (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 2, 49, 118–118 об., 225–226).

22 В указе Верховного тайного совета от 28 января (9 февраля) 1730 года говорилось, что «разсуждая о входе Ея Величества Государыни Царевны Анны Иоанновны в Москву, определено оный вход учредить во всем против того, как учреждено было в прошлом 1728 году для входа ж, блаженныя памяти, Государя Императора, а имянно: триумфальныя ворота по Тверской улице починить, в Китае из Синода, в Белом городе из Ратуши, в Земляном из Московской губернии, и что на которых против прежняго по приличеству нане надлежит переменить, о то Синоду, рассматривая, донестъ в Верховный тайный совет немедля» [39, № 5497, с. 246].

23 СПВ. 1730 № 44. С. 174.

А. Меншикова Алексеевское на Стромынке [46, с. 328], 22 июня (3 июля) на неделю съездила в Измайлово [46, с. 336], 5 (16) июля провела в шатрах («со всем двором, и с тремя гвардейскими полкам расположилась лагерем») у Головинской усадьбы [46, с. 337], 15 (26) июля переехала в Анненгоф (Головинскую усадьбу) на лето²⁴. Императорские перемещения «со всем двором» по территории Москвы проходили от Кремля по Никольской и Мясницкой улицам и дальше направлялись к Яузе. Таким образом, публичное значение этого направления как главной правительственной трассы продолжало сохраняться, но переставало быть триумфальным²⁵.

Тверская улица была задействована в 1731 году как пространство святочного маскарада, продолжавшегося 10 дней. Здесь 11 (22) февраля придворные и иностранные послы «катались на линиях», после чего направились к принцессе Прасковье Ивановне на бал в ее дом на Знаменке [48, с. 177].

Наряду с этим в перемещениях императрицы возникло только два, ранее не актуальных направления — путешествие из Измайлова на богомолье в Троице-Сергиев монастырь 2 (13) июля 1730 года²⁶ и участие в крестном ходе в Донском монастыре в праздник Пресвятой Богородицы Донской 1 (19) августа, «куда также и Ея Императорское Величество при провозждении всего своего Дворового штата поехать, и тамо молится изволила»²⁷. Первое перемещение (в Троице-Сергиев монастырь) происходило за пределами Москвы по существовавшим дорогам. Второе (в Донской монастырь), вероятно, прошло через Москву по Мясницкой, Никольской, через Кремль, по Всехсвятскому мосту, Якиманке и Калужской дороге.

24 СПб. 1731. № 58. С. 236

25 В связи с коронационными празднованиями Анны Иоанновны на Большой немецкой улице Немецкой слободы испанский посол де Лириа, повторив поступок голштинского герцога Карла-Фридриха 1724 года, возвел на собственные деньги триумфальную арку-иллюминацию, которую императрица осмотрела 12 (23) мая 1730 года [15, с. 240; 10, с. 221]. Изображение этой арки сохранилось в Национальном архиве Испании. Она была однопролетная, с фигурным аттиком над центральной частью; ее украшали портреты императрицы, аллегории, эмблемы и девизы (Archivo Histórico de la Nobleza. MPD 1, 33). Как и в случае коронации Екатерины I (1724), описанные события триумфального строительства были частными инициативами и осуществлялись за пределами столицы в районе проживания императорской особы (Немецкая слобода, Головинская усадьба).

26 2 июля Анна Иоанновна выехала из Измайлова, 8 июля вернулась туда [46, с. 207, 210].

27 После службы императрица обедала в увеселительном доме князя Долгорукого, после чего вернулась домой (СПВ. 1730. № 69. С. 276).

Помимо выездов императрицы интерес представляют два посольских торжественных входа в город. В январе 1731 года в Москву прибыло китайское посольство. При подъезде к столице посольство разместили во дворце Меншикова в Алексеевском на Стромынке, потом перевели в загородный дом В. Ф. Салтыкова на Яузе и уже оттуда 14 (25) января оно имело «публичный и церемониальный въезд в Москву в 9 каретах, при пушечной (у Красных ворот, 31 выстрел) пальбе. При барабанном бое и при игрании музыки от поставленных в двух местах четырех напольных полков» [19, с. 174]. Это шествие по великолепию уступало разве что торжественному въезду императрицы в город. На его пути стояла триумфальная арка, возведенная еще в 1720-х годах — Красные ворота²⁸, у которой «поставлено было в строю 2 полка салдат с их штап и обер офицерами с знамены и с обыкновенною полковою музыкою, да 31 пушка, и как против их главной посол в корете императорской поровнялся, отдала ему честь офицеры портазанами и знаменами, а салдаты подняв ружье на караул били в барабаны поход и музыку играла, а потом из 31 пушки выстрелено однажды»²⁹. От Мясницких ворот Белого города до дома посла в Китай-городе на Ильинке стояли гренадеры и солдаты, которые отдавали честь послам и били в барабаны, играла полковая музыка³⁰. В этом случае вновь был использован главный правительственный маршрут.

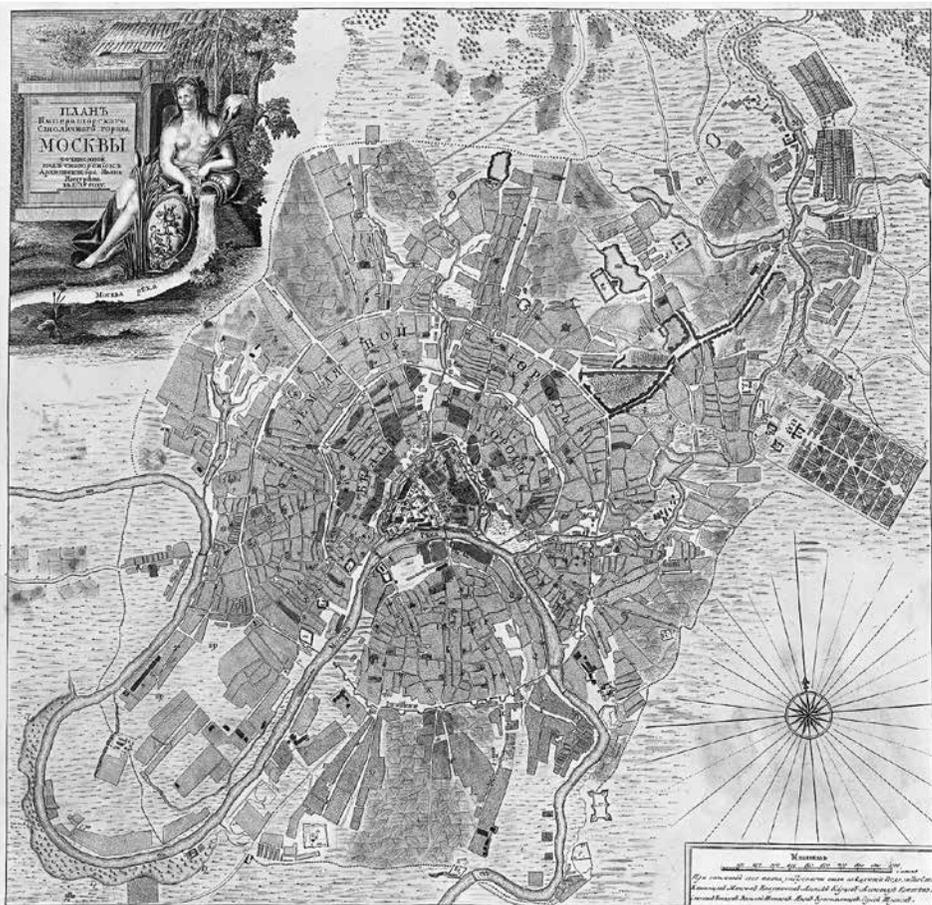
Второе посольство было турецким. Оно торжественно въезжало в Москву 19 (30) марта 1731 года [46, с. 304] и вполне можно предположить, что двигалось от Серпуховских ворот Земляного города, так как пребывало с юга. (Ил. 1.)

Триумфальное петровское наследие не потеряло своей актуальности в глазах аннинского двора. Императорский кортеж, перемещаясь по городу, главным образом использовал маршрут Тверская — Никольская — Мясницкая, который можно назвать «правительственной трассой». Главное отличие состояло в изменении локации власти, теперь она

28 «И ехали чрез реку Яузу по мосту и Немецкою слободою по большой улице принимаясь в село Ехалово и слободою Басманною на Мясницкую улицу в Красные ворота» (СПВ. 1730. № 7. Церемониал. С. 4).

29 СПб. 1730. № 7. Церемониал. С. 4.

30 СПб. 1730. № 7. Церемониал. С. 4.

1. План императорского столичного города Москвы сочиненной под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году. 1741
Бумага, офорт, резец, акварель. 50 × 60
Частное собрание

находилась в кремлевской резиденции, откуда императрица выезжала и куда всегда возвращалась. На смену публичному зрелищу государя, динамично перемещавшемуся по городскому пространству и всегда его преодолевавшего³¹, пришла картина стабильного присутствия власти в городе и исторической резиденции.

ФЕЙЕРВЕРКИ

Огненный спектакль — явление не менее важное в процессе формирования пространства публичной презентации власти. Петр I постоянно использовал визуальные возможности фейерверка и иллюминации на протяжении 35 лет своей взрослой жизни³². По формальным признакам «огненные потехи» были представлены собственно фейерверком — пиротехнической постановкой, составленной из иллюминационного щита с окказиональным изображением световых фонарей с рисунками и надписями, обрезных скульптур, различных пиротехнических машин и артиллерийских снарядов, запускаемых с земли и воды. Наряду с этим использовали только иллюминации (без артиллерийского сопровождения) в виде щита с изображением и надписью или фигурного щита (чаще всего в форме триумфальной арки или ограды); световой артикуляции фонариками или глиняными плоскими горящими фитилями архитектурных сооружений и парковых аллей; расстановки в окнах домов горящих свечей или фонарей. Во всей полноте эти формы огненных постановок осуществлялись в Петербурге как при жизни Петра I, так и при его преемниках Екатерине I и Петре II.

По композиции основная часть петровских фейерверков представляла собой одноактные статичные огненные постановки, в которых доминировал главный иллюминационный щит³³. Сравнительно редко

31 Два варианта изображения Полтавского триумфа А. Зубовым это подтверждают: Алексей Зубов. Торжественное вступление русских войск в Москву 21 декабря 1709 г. После Полтавской победы. (Полтавский триумф.) Первый вариант. 1710. Бумага, офорт, резец; Алексей Зубов. Торжественное вступление русских войск в Москву 21 декабря 1709 г. После Полтавской победы. (Полтавский триумф.) Второй вариант. 1711. Бумага, офорт, резец.

32 Первый фейерверк был устроен юным Петром в 1690 году на Масленицу в царском селе Воскресенское на Пресне [16, с. 6; 29, с. 79].

33 В качестве одного из многочисленных примеров можно указать коронационный фейерверк Екатерины I, гравированный И. Зубовым: Иван Зубов. Фейерверк и иллюминация 7 мая 1724 года в Москве во время коронации имп. Екатерины Алексеевны. 1724. Офорт, резец. (Ил. 2.)

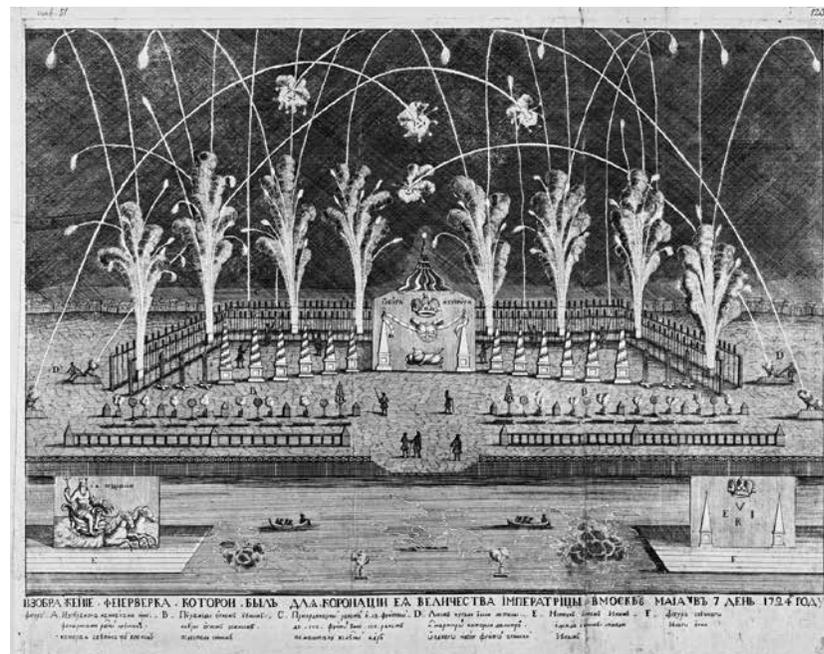
постановка делалась динамичной за счет использования движущихся фигур³⁴, еще реже ставили драматический огненный спектакль³⁵.

По содержанию огненные представления во времена Петра посвящались либо государственным событиям (Новый год, военные победы, мирный договор, бракосочетания, орденские дни, коронация), либо частным прецедентам жизни царской семьи и ближайшего окружения (дни рождения, тезоименитства) [24, с. 54–66]. (Ил. 2.)

В Москве местом постоянного проведения фейерверков в 1700–1703 годах была Красная площадь, а с 1704 по 1724 год — Царицын луг на берегу Москвы-реки под стенами Кремля³⁶. Здесь устраивались все фейерверки, носившие официальный характер. Дважды кулуарный фейерверк, посвященный тезоименитству Анны, дочери Петра, зажигали в Старо- и Ново-Преображенском (в 1722 и 1723 годах)³⁷. Единжды — в Ново-Преображенском, где в связи с завершением Северной войны прошло уникальное огненное представление, поставленное лично Петром³⁸.

В течение двухлетнего пребывания в Москве императрицы Анны Иоанновны в древней столице устроили 7 фейерверков и 22 иллюминации³⁹. Местом проведения главный огненных спектаклей остался Царицын луг. Однако все фейерверки теперь смотрели из кремлевских «апартаментов», что предполагало разворот театра фейерверков лицом

- 34 Впервые такой фейерверк был устроен по случаю Азовской победы в 1697 году в Красном Селе. В нем двуглавый орел пускал горящие стрелы в полумесяц [5, с. 70]. В новогоднем фейерверке 1704 года к двуглавному орлу «подплывал» Нептун и вручал щит с изображением Балтийского моря [3, с. 51–60]. В петербургском и московском фейерверках по случаю Ништадтского мира 1721 года два рыцаря закрывали храм Януса и пожимали друг другу руки [9, с. 230, 312].
- 35 Единственный пример такой постановки был представлен во второй день празднования азовской победы в Красном Селе 13 февраля 1697 года, когда на специальном острове в пруду устроили потешное сражение, финалом которого стало сожжение захваченной крепости [5, с. 71]. С некоторой натяжкой таковым можно назвать «фейерверк» 24 февраля (7 марта) 1723 года, когда Петр сжег в Ново-Преображенском селе свой старый дворец [10, с. 32–33].
- 36 До этого, с 1690 по 1699 год, фейерверки устраивались только в подмосковных царских усадьбах: Воскресенском на Пресне и Красном Селе.
- 37 3 (14) февраля [24, с. 69].
- 38 «По совершенном наступлении сумерек старый дом этот, построенный в 1690 году, был зажжен следующим образом: на всех сторонах крыши и по стенам засветили голубой огонь, как в девизах при иллюминациях; сам император собственноручно поджег прилаженные для этого голубые фитили, и весь дом чудно обрисовался в темноте; а когда эти фитили догорели, он вдруг весь вспыхнул и горел до тех пор, пока от него не осталось ничего. [...] Когда последний почти уже совсем сгорел, пущено было несколько сот ракет, швермеров, воздушных шаров и других подобных вещей» [10, с. 33].
- 39 В 1730 году 2 фейерверка и 14 иллюминаций, в 1731-м — 5 фейерверков и 8 иллюминаций.

2. Иван Зубов. Коронационный фейерверк Екатерины I. 1724
Бумага, офорт. 46,5 × 59
Библиотека РАН

в сторону Кремля⁴⁰. Единственным исключением стало празднование кавалерского праздника Александра Невского и годовщины Ништадтского мира в Измайлове 30 августа (10 сентября) 1730 года. Оно завершилось фейерверком, устроенным на лугу перед дворцом [15, с. 242; 46, с. 228]⁴¹.

- 40 В петровское время перед театром фейерверков устраивали специальный банкетный павильон — хоромы, или так называемые триумфальные светлицы, — в котором, пируя, сидели главные зрители спектакля. Фейерверочный спектакль в этом случае был развернут к Кремлю задником декораций [21, с. 120–124]. Впервые фейерверк поставили к Кремлю «лицом» во время коронации Екатерины I. Об этом свидетельствует его изображение И. Зубовым, показавшим на переднем плане листа перед театром фейерверка Москву-реку с плывущими по ней иллюминационными щитами. Коронационный фейерверк Петра II был устроен по прежним правилам и на третий день торжества 9 (20) марта 1728 года «триумфальные светлицы» приглашали гостей на бал и зрелище фейерверка [15, с. 203].

41 СПб. 1730. № 72. С. 288.

Все фейерверки сопровождалась иллюминациями либо только города, либо города и Кремля; наряду с этим отдельные события артикулировались только иллюминациями⁴². Особое отношение к иллюминированию города, которое проявилось в московский период аннинского правления и продолжилось в петербургский, нельзя назвать типичной чертой Петровской эпохи. Интерес к ней нарастал в 1720-е годы в процессе увеличения городской ткани Петербурга и по мере возникновения масштабных государственных событий, таких как окончание войны и заключение мирного договора со шведами и др.⁴³

Анна Иоанновна встретила со своей первой городской иллюминацией 29 января (9 февраля) 1730 года в Риге, где ее триумфально чествовала городская администрация во главе с губернатором как новую российскую императрицу, шествующую в Москву на коронацию⁴⁴. Не исключено, что масштаб визуального прославления власти, представленный специально освещенными улицами города, произвел на нее сильное впечатление, запомнился и был впоследствии актуализирован в древней и новой столицах страны.

В репертуаре иллюминаций, появившихся в Москве, обращает на себя внимание постановка, устроенная в первый день коронации

42 Москва была только иллюминирована в 1730 году: два дня после принятия Анной Иоанновной самодержавия (26, 27 февраля (8, 9 марта); СПб. 1730. № 18. С. 72), первые 7 дней коронации (28 апреля (9 мая) — 4 (15) мая) [35, с. 33], в день рождения сестры императрицы герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны 29 октября (9 ноября) (СПб. 1730. № 89. С. 356). С частными инициативами выступили иностранные посланники: граф Потоцкий 26 августа (6 сентября) устроил в своем доме бал и иллюминацию (СПб. 1730. № 62. С. 248), австрийский посланник граф Владислав 9 (20) ноября таким же образом праздновал тезоименитство императора Карла VI (СПб. 1730. № 93. С. 372). Как могли выглядеть эти иллюминации, дает представление проект оформления ограды дома испанского посланника герцога Де Лириа в Немецкой слободе, выполненный к празднованию бракосочетания принца Астурийского и испанской инфанты Марии Луизы Виктории 27 июня (8 июля) 1728 года [15, с. 208; Archivo Histórico de la Nobleza. MPD, 05, 167]. В 1731 году только иллюминации устраивали: в день восшествия Анны Иоанновны на престол 19 (30) января (СПб. 1731. № 8. С. 34), в день тезоименитства герцогини Мекленбургской 24 ноября (5 декабря) (СПб. 1731. № 2. С. 387), кавалерский праздник Андрея Первозванного 30 ноября (11 декабря) (СПб. 1731. № 98. С. 396), день рождения дочери герцогини Мекленбургской Анны 7 (18 декабря) (СПб. 1731. № 100 С. 403–404), день рождения дочери Петра царевны Елизаветы Петровны 18 (29) декабря (СПб. 1731. № 103. С. 416).

43 Так, в 1721 году Берхгольц упоминает об иллюминировании города только в связи с празднованием Ништадтского мира [9, с. 217, 301]. В 1723-м — в связи с празднованием кавалерских дней Александра Невского и Андрея Первозванного, тезоименитства Екатерины Алексеевны [10, с. 171, 172]. В 1724-м — в дни коронации Екатерины I, день перенесения мощей Александра Невского [10, с. 231, 247, 263].

44 СПб. 1730. № 16. С. 63.

в Кремле 28 апреля (9 мая) 1730 года. Судя по гравюре (ил. 3), она состояла из центрального иллюминационного щита с портретом императрицы, сидящей на троне под балдахином, который фланкировали меньшие по размерам щиты с изображением добродетелей, по три с каждой стороны (слева: Милосердие, Мужество и Храбрость, Слава и Честь; справа: Господство, Добродетель, Прозрительство) и две световые пирамиды, украшенные вензелем Анны Иоанновны и арматурами [35, фиг. 18]. Эта иллюминация композиционно напоминает иллюминацию, проект которой сохранился в делах коронационной комиссии Петра II (ил. 4)⁴⁵, с той лишь разницей, что вместо портрета предполагался «российский герб на трофее, стоящий», а аллегии должны были изображаться «статуями» и состав их мыслился иным. Иллюминационное сопровождение коронации Петра II⁴⁶, впервые разработанное членами Академии наук, до сих пор остается во многом загадочным и непроявленным явлением в силу недостаточной источниковой базы⁴⁷. Однако как прецедент оно явно оказало влияние на оформление коронации Анны Иоанновны.

Среди отмеченного выше корпуса проектов есть элегантно выполненный чертеж триумфальной арки, в боковую стенку которой вмонтирован винный фонтан⁴⁸. (Ил. 5.) Согласно описаниям приема императрицей китайского посольства 26 января (6 февраля) 1731 года, в Кремле стояли «вороты, которые зделаны пред хоромами императорскими для иллюминации»⁴⁹. Можно сделать предположение, что проект с триумфальной аркой, созданный для коронации Петра II, мог повлиять на решение украсить такой иллюминацией пространство кремлевской резиденции как места постоянного пребывания императрицы. «Ведомости» сообщали, что 19 (30) января (за семь дней до приема китайского посольства) в восшествия на престол «пред Императорским дворцом была преизрядная и зело искусно устроенная иллюминация»⁵⁰. Вероятно то, что увидели послы, подъезжая ко дворцу, было конструкцией этой иллюминации.

45 РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246. Л. 11.

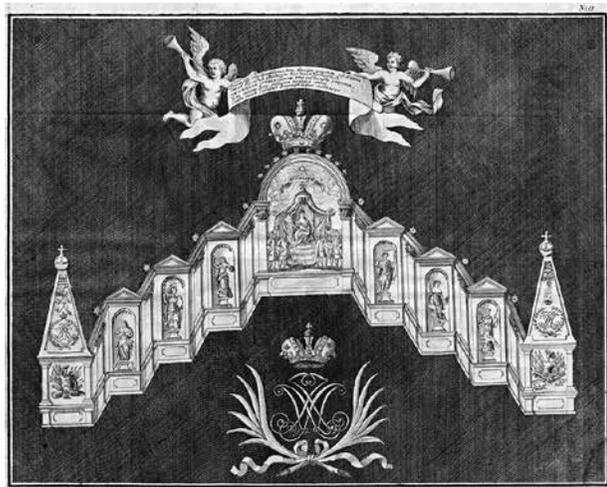
46 Проекты иллюминаций сохранились в коронационном деле: РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246.

47 К корпусу изобразительных источников, связанных с коронацией Петра II, обращались М. А. Алексеева [2, с. 284–285], Н. И. Павленко [36, с. 80–95], Е. В. Исаева [26, с. 396–397], А. А. Аронова [6, с. 284–291], Е. А. Тюхменева [50, с. 127–145].

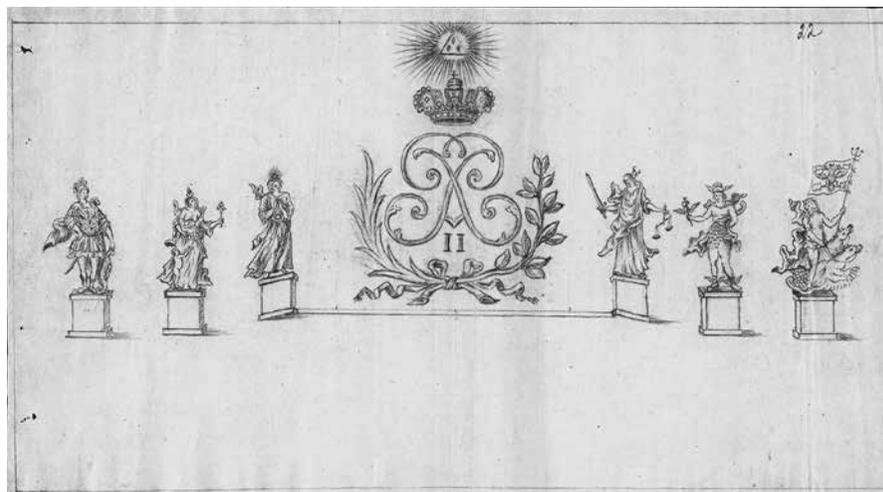
48 РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246. Л. 48–49.

49 СПб. 1731. № 7. Церемониал. С. 7.

50 СПб. 1731. № 10. С. 42.

3. Оттомар Эллигер III. *Иллюминация к коронации Анны Иоанновны*. 1730
Ил. из кн.: Описание коронации ея величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны...
[35, фиг. 18]

4. Неизвестный художник
Иллюминация к коронации Петра II
1728
Бумага, сангина
РГАДА. Ф. 151. Оп. 1.
Д. 246. Л. 11

5. Иоганн-Якоб Шумахер (?)
Проект иллюминационной триумфальной арки, винных фонтанов, пирамиды с Храмом славы и обелиска с арматурами
1728. Бумага, тушь, перо, кисть
РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246.
Л. 48–49

С коронационным торжеством связано появление иллюминаций в Немецкой слободе «у всех чужестранных министров и знатных обывателей, против домов». Среди них особо выделялась сделанная австрийским посланником графом Владиславом [35, с. 43]. А также иллюминирование сада Головинской усадьбы, где Анна Иоанновна провела четвертый день торжества⁵¹.

Московские фейерверки 1730–1731 годов, коих было устроено не менее семи, известны только по двум гравированным изображениям: коронационного фейерверка 5 (16) мая 1730 года⁵² и фейерверка в день тезоименитства императрицы 3 (14) февраля 1731 года⁵³. Композиционно они идентичны, разнятся в деталях и восходят к коронационному

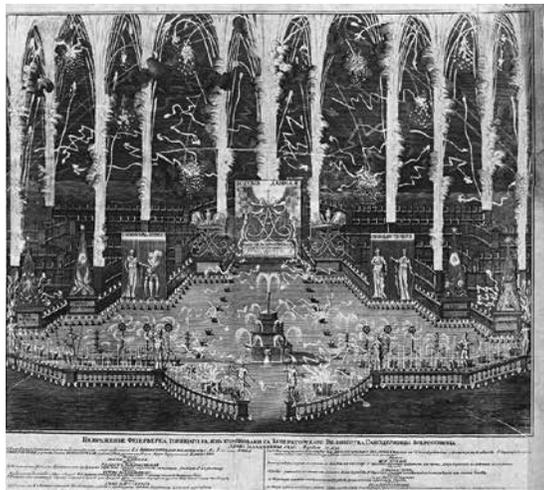
фейерверку Петра II⁵⁴, в котором впервые была заявлена более сложная, по сравнению с петровским временем, структура фейерверочной постановки, с несколькими иллюминационными щитами, световыми фонарями и светящимися пирамидами⁵⁵, что, несомненно, связано с участием в этом академиков. (Ил. 6, 7)

51 «По захождении солнца, во оном огороде алеи, лестницы, фонтаны и беседки украшены были огнями более 2000 лампад» [35, с. 42].

52 Оттомар Эллигер. Изображение фейерверка горящего в день коронавания Ея Императорского Величества Самодержицы Российския Анны Иоанновны. 1731. Офорт, резец. 32,2 × 41,2. На гравюре поставлена дата 30 апреля 1730 года, однако согласно описанию коронационных событий в Коронационном альбоме, императрица «приказала зажечь приуготовленный фейерверк 5 (16) мая» [35, с. 31–32, 43–45].

53 Оттомар Эллигер. Изображение фейерверка, который 3 февраля 1731 году в день Тезоименитства Ея Императорского Величества Анны Иоанновны Самодержицы всероссийской в Москве репрезентован был. 1731. Офорт, резец.

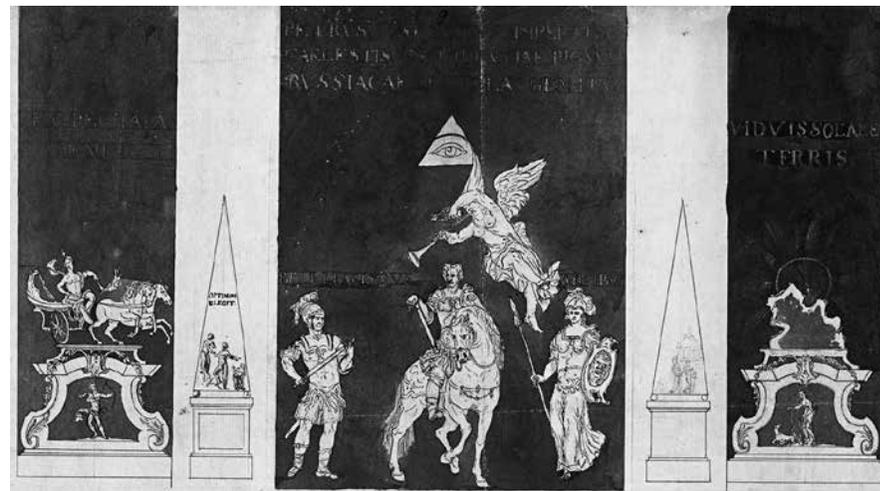
54 Проект центрального иллюминационного щита (РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246. Л. 9). Рисунок театра фейерверка (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 208).

6. Оттомар Эллигер III. *Коронационный фейерверк Анны Иоанновны*. 1730
Ил. из кн.: Описание коронации ея величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны... [35, фиг. 21]

В течение первых двух лет правления, находясь в Москве, императрица Анна Иоанновна использовала все репрезентативные возможности фейерверочного спектакля, разработанные прежде всего в петровское время, а также воспользовалась тем, что появилось, благодаря привлечению к этому процессу членов Академии наук, при ее предшественнике Петре II. За Царицыным лугом сохранился статус места главного фейерверочного театра, но, в отличие от практики Петра I, отдавалось предпочтение постановке, ориентированной на кремлевскую резиденцию, что, с одной стороны, поддерживало статус актуального места

55 Программа фейерверка, написанная на немецком языке (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 206–208), рисунок театра фейерверка (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 208). Е. А. Тюхменева высказала предположение, основанное на сопоставлении почерка, что составителем программы фейерверка и иллюминаций был профессор Академии наук Г. Б. Байер [50, с. 131]. Однако почерк, которым написана программа фейерверка, не идентичен почерку программы иллюминаций (РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246. Л. 29–29 об.).

7. Иоганн-Якоб Шумахер (?)
Иллюминация к коронационному фейерверку Петра II
Бумага, тушь, перо
РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 246. Л. 9

присутствия власти, а с другой — существенно уменьшало публичные возможности огненного спектакля, так как к Замоскворечью, Всехсвятскому и Москворецкому мостам фейерверк был обращен «задником».

В контексте усиления статуса резиденции следует рассматривать размещение в кремлевском комплексе иллюминационных щитов, прославлявших императрицу.

Аннинская Москва, два года бытовавшая как столица государства, показывала это регулярно устраиваемыми городскими иллюминациями, устроителями которых выступали горожане, подсвечивавшие окна своих домов или размещавшие перед ними иллюминационные щиты. Причем единственными поводами для такой активности подданных стали праздники либо связанные с обретением власти (восшествие на престол, торжественный въезд в город, коронация), либо с императрицей и ее семьей (дни рождения и тезоименитства). В отличие от времен Петра, при Анне Иоанновне начал выстраиваться официальный государственный календарь, в котором не могло быть места случайным прихотям властных особ.

Дворцы

Отдельный интерес представляет вопрос о характере взаимодействия императрицы с дворцовым наследием своего дяди. Анна Иоанновна унаследовала все старые и новые царские резиденции Москвы и Подмосковья, однако в ее личном поле зрения кроме Кремля находились: родовое семейное гнездо в Измайлове⁵⁶, новая петровская усадьба на Яузе (бывшая Головинская)⁵⁷ и бывшая усадьба А. Д. Меншикова Алексеевское на Стромьинке⁵⁸. Среди конфискованных в казну московских домов Меншикова оказался востребованным так называемый Боровицкий дом, который заняла старшая сестра императрицы Екатерина Ивановна⁵⁹. Слободской дом (Лефортовский дворец), где жил император Петр II, пустовал, но его поддерживали, ремонтировали и пытались приспособить для служебных нужд⁶⁰.

Как было сказано вначале, кремлевский комплекс в течение 30 лет не выполнял функции царской/императорской резиденции. Частичное восстановление этого статуса произошло во время празднования Ништадтского мира⁶¹, коронации Екатерины I⁶² и Петра II⁶³.

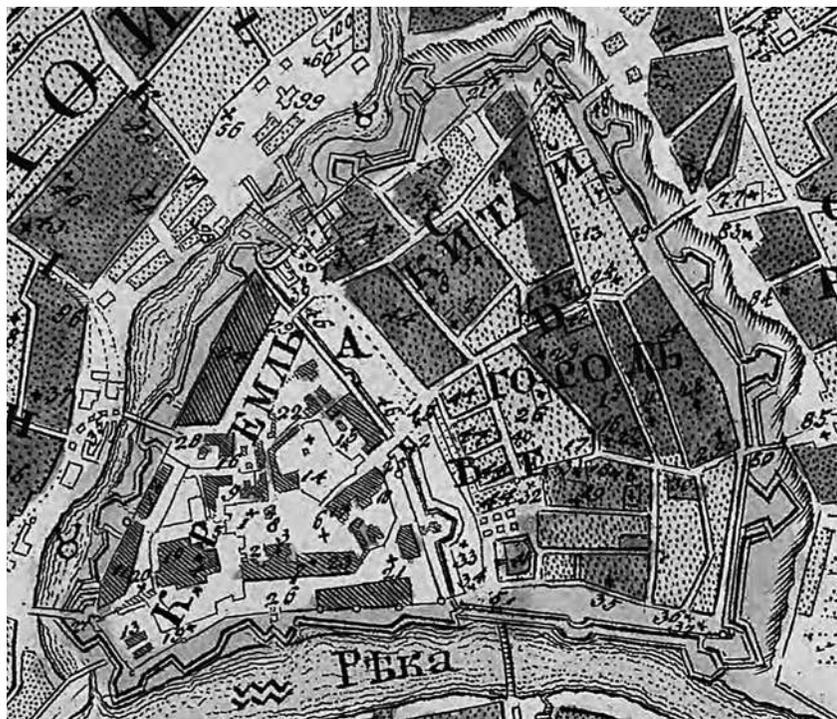
- 56 Анна Иоанновна посещала Измайлово дважды: провела лето 1730 года с 24 мая (4 июня) по 18 (29) октября (СПВ. 1730. № 44. С. 175; СПВ. 1730. № 86. С. 343); стояла лагерем в шатрах в парке с 22 (3 июля) по 28 июня (9 июля) 1731 года [46, с. 336–337].
- 57 В Головинской усадьбе Анна Иоанновна провела 5-й день коронационного торжества 2 (13) мая 1730 года [35, с. 39–40]; 5 (16) – 6 (17) июля 1731 года стояла в шатрах рядом с Головинской усадьбой [46, с. 337]; с 15 (26) июля по 25 октября (5 ноября) 1731 года жила в новом дворце Анненгоф, построенном в Головинской усадьбе Ф. Растрелли (СПВ. 1731. № 58. С. 236; СПВ. 1731. № 87. С. 352).
- 58 10 (21) – 17 (28) июня 1731 года [46, с. 328].
- 59 Боровицкий дом А. Д. Меншикова был построен в 1722 году. Он находился на участке между Волхонкой и Лебяжьим переулком. Как дворец царевны Екатерины Ивановны указан на плане Москвы Горихвостова (1767) [42; 9, с. 474]. Описание Боровицкого дома 1733 года: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 22–24.
- 60 Указ о ремонте Слободского дома от 29 июля 1730 года: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41089. Л. 3. Указ Анны Иоанновны о размещении «прибывших из европейских государств комедиантов» от 16 (27) января 1731 года: [48, с. 163].
- 61 25 декабря 1721 года (5 января 1722 года) – церковная служба и банкет по случаю Рождества. 1 (12) января – празднование Нового года, 6 (17) января – церковная служба и смотрение гостями ритуала водосвятия на Москве-реке и праздник Крещения, 28 января (8 февраля) – карнавальное шествие на судах в первый день маскарада по случаю Ништадтского мира, 30 ноября (11 декабря) – церковная служба в день св. Андрея Первозванного [9, с. 276, 279–280, 312, 488]. В 1723 году Кремль посетили только во время маскарадного гуляния на санях 17 февраля (28 февраля) [10, с. 27].
- 62 15 (26) апреля 1724 года приглашенные смотрели в Кремле царские короны, 6 (17) мая в Кремль переехали дочери Петра и Екатерина Алексеевна, 7 (18) мая – коронация Екатерины I, 8 (19) мая – торжественная аудиенция Екатерины I [10, с. 216, 221, 231].

Анна Иоанновна, как Екатерина I и Петр II, поселилась в **Потешном дворце**, заняв там пять комнат на втором этаже («среднем портаменте») ⁶⁴. Для ее перемещения был сделан подъемный, обитый зеленым сукном, стул ⁶⁵. Здесь она прожила три месяца и 9 дней ⁶⁶, что было существенно дольше ее предшественников ⁶⁷, более того, она не намеревалась куда-либо переезжать из Кремля, так как по императорскому указу уже 1 (11) июня 1730 года «вблизи нового Арсенала» началось возведение «нового Ея императорского величества дворца» архитектором Ф. Растрелли [30, с. 101] ⁶⁸. Впервые после более чем сорокалетнего перерыва в Кремле возобновилось дворцовое строительство. Последней постройкой здесь оказался терем матери Петра царицы-вдовы Натальи Кирилловны ⁶⁹.

Зимний дворец Анны Иоанновны («дом что подле Цехауса») изредка привлекал внимание исследователей ⁷⁰, но по-прежнему остается *terra incognita* из-за недостаточного количества сохранившихся источников, большая часть которых касается этого здания в связи с его перевозом в 1736 году на территорию Анненгофа (Головинской усадьбы) на Яузе ⁷¹. И все же кое-что о нем сказать можно.

Согласно оценкам современников, это «был прелестный деревянный дом в 70–80 комнат. Государыня постановила возвести эту постройку потому, что не желает жить в каменном дворце (русские считают каменные постройки нездоровыми в здешнем климате)», — писал

- 63 4 (15) февраля 1728 года Петр II, въехав в Москву, поселился в Кремле в Потешном дворце (СПВ. 1728. № 14. Реляция. С. 1–2), 11 (22) марта переехал в Слободской (Лефортовский) дворец (СПВ. 1728. № 22. С. 88).
- 64 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 458. Л. 1.
- 65 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 458. Л. 7. Это первое упоминание получивших в петровском Петербурге распространение подъемных механизмов [27, с. 270–296].
- 66 15 (26) февраля Анна Иоанновна совершила торжественный вход в Москву, 24 мая (4) июня выехала из Кремля в Измайлово, 18 (29) октября вернулась в Кремль в новый Зимний дворец.
- 67 Екатерина I провела в Кремле три дня и две ночи (6 (17) – 8 (19) мая 1724 года); Петр II – 36 дней (4 (15) февраля – 11 (22) марта 1728 года).
- 68 В «Реляции» архитектор указал датой начала строительства дворца 15 февраля 1730 года, что явно было ошибкой, так как в этот день императрица только въезжала в Москву [8, с. 75].
- 69 Терем Натальи Кирилловны был построен на Кормовом дворе кремлевского дворцового комплекса в 1684–1685 годах [11, с. 82].
- 70 Наиболее обстоятельной, с опорой на ряд архивных документов, выглядит публикация О. С. Евангуловой [20, с. 44–46, 112–115].
- 71 Письменные источники: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 458, 41103, 41129, 41089, 41154, 41159, 41160. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 43. Графические источники: Национальная библиотека, Варшава, R. 5327/WAF.91. Национальный музей, Стокгольм, THS 9076:27:I–III, 28:I–II.

8. Кремль. Фрагмент Плана императорского столичного города Москвы сочиненной под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году 1741

английский посланник Клавдий Рондо [46, с. 246]. Испанский посол герцог Де Лириа заявлял, что «царица возвратилась в Москву из Измайловского и стала жить в новом дворце, который она построила и который был очень красив и убран великолепно» [15, с. 243].

Участок, на котором было решено выстроить новое дворцовое здание, представлял собой единственный огромный пустырь в плотной застройке кремлевского комплекса. Он возник в результате пожара 1701 года. Место это стало заполняться по воле Петра с 1701 года необходимым в условиях Северной войны зданием Арсенала, спланированным вдоль прясла кремлевской стены между Троицкими и Никольскими

воротами [22, с. 169–170]. Остальная часть пустыря, имевшего форму неправильной трапеции, ограниченного Троицкой улицей, фасадом строящегося Арсенала, кремлевской стеной у Никольской башни, оградой Чудова монастыря и остатками строений двора князя Трубецкого, была не застроена. Приблизительные размеры этой площадки — 50–100–45–75 саженей (106,5–213–95,85–159,75 м). (Ил. 8.)

Выбор места для нового императорского дворца логично вытекал из существовавшей в резиденции градостроительной ситуации. Как он выглядел? Какой имел план? Как был расположен по отношению к другим строениям Кремля?

Предположительно ответить на эти три вопроса можно, проанализировав существующие источники.

Согласно описи, стены дворца были выкрашены краской «шарою», то есть имели дымчато-серый цвет, наличники — белилами, крыша — «красной чернью», оттенком красного цвета⁷². Здание было одноэтажным на каменном фундаменте. В перечне помещений указывается «столовая наугольная», что говорит о том, что оно было либо Г-образным, либо П-образным⁷³.

В марте 1736 года Анна Иоанновна приняла решение разобрать и перенести этот дворец на территорию резиденции Анненгоф на Яузе и там «собрать на показанном месте по-прежнему и покрыть как надлежит»⁷⁴. В итоге при сборке дворца на новом месте он был дополнен новыми помещениями и строился по «опробированному чертежу, подписанному ея императорским величеством» и присланному из Петербурга⁷⁵. «Дворец перевезен из Кремля и к нему прибавили новое строение», — сообщал плотничного дела мастер Вилим Эхт в Контору интендантских дел⁷⁶. Новое здание стало кареобразным и имело размеры 35 × 60 саженей (74,55 × 127,8 м)⁷⁷. В процессе его возведения старые части постройки дополнялись новыми. Выглядело это следующим образом: короткая сторона (35 саженей), обращенная к Яузе, называется в документе «старой линией», обе длинные стороны (по 60 саженей) описаны как состоящие

72 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411160. Л. 8.

73 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411160. Л. 2 об.

74 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411159. Л. 4.

75 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411159. Л. 61–61 об.

76 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411160. Л. 132.

77 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411159. Л. 56. Изображено на чертеже 1748 года — Национальная библиотека, Варшава, R. 5327/WAF.91.

из «новой и старой работы», как и вторая короткая сторона с проездом во двор (35 сажень). При устройстве крыши отмечалось, что по продольной стороне она сделана со стороны Анненгофского летнего дворца над старой частью такой же длины, что и крыша над короткой стороной дворца со стороны Яузы (25 сажень), по противоположной стороне длина крыши над старой частью дворца 10 сажень, а потом идут малый и большой залы⁷⁸. (Ил. 9.)

Любая деревянная постройка может, подобно конструктору *Lego*, быть разобрана и собрана вновь либо в первоначальном виде, либо с необходимыми изменениями.

Исходя из вышеизложенной информации можно с осторожностью сделать предположение, что первоначально деревянный Зимний Кремлевский дворец имел П-образный план и размеры приблизительно 35 × 35 сажень (74,55 × 74,55 м). Он выходил лицом (главным фасадом) на Троицкую улицу Кремля, «смотрел» на Патриарший двор и Троицкое подворье. Это подтверждается описанием приема китайского посольства 26 января (6 февраля) 1731 года, в котором отмечено, что гренадеры стояли шеренгой от угла Чудова монастыря до главного входа в здание⁷⁹.

Представленная выше реконструкция касается только одной, но главной части дворцового комплекса, в которой обитала императрица и имели «квартиры» лица ее ближайшего окружения: герцог Э. И. Бирон, граф Р. Г. фон Левенвольде, обер-гофмейстер С. А. Салтыков⁸⁰, камер-фрау А. Ф. Юшкова⁸¹, фрейлины⁸². В этой части было 52 помещения жилого и публичного назначения. К апартаментам императрицы примыкала кирпичная поварня со скатерной с сенями и передней. Со стороны двора была крытая галерея-переход с балясинами. Во дворе стояла большая кирпичная поварня, две палатки с очагами, караульная

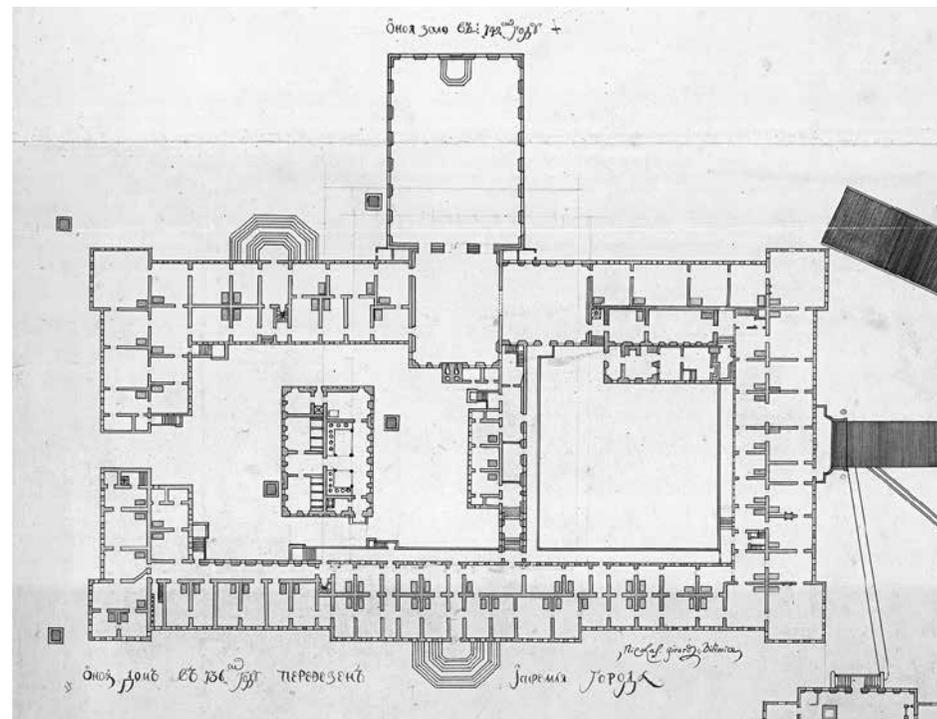
78 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 411159. Л. 87, 141 об.

79 СПВ. 1731. № 7. Церемониал. С. 6.

80 К моменту переселения в новый Кремлевский дворец императрица Анна Иоанновна сформировала свой двор, в который на высшие должности попали наиболее преданные ей люди. Это фаворит императрицы Бирон, получивший чин обер-камергера, граф фон Левенвольде, ставший обер-гофмаршалом (ему императрица была обязана за своевременное извещение о делах в Москве после смерти Петра II), Салтыков, родственник императрицы по матери, получивший чин обер-гофмейстера, занимавшийся формированием придворного штата и ставшего во главе Главной дворцовой канцелярии [1, с. 96–111].

81 Камер-фрау Юшкова заведовала личным хозяйством императрицы, находилась в услужении императрицы еще в 1720-е годы [43, с. 759].

82 В первоначальном штате двора были одна обер-гофмейстерина и 6 фрейлин 1 [1, с. 111].

9. Петр Дружинин. План Зимнего Анненгофского дворца. 1748

Бумага, тушь, перо, кисть, акварель.

104,5 × 74,5

Национальная библиотека, Варшава,
R. 5327/WAF.91

изба. Двор закрывался «воротами большими створчатыми» с калиткой. Вокруг этой части дворца стояло 8 фонарей на крюках, 4 на столбах и 4 будки для охранников⁸³.

Однако дворцовый комплекс состоял еще из двух частей. Во второй находились дежурные покои генерал-адъютантов⁸⁴ (12 «светличек»

83 РГАДА. Ф. 1230. Оп. 3. Д. 411160. Л. 2–9.

84 Генерал-адъютанты составляли свиту императрицы, согласно списку их было 10 человек [32, с. 3–4].

и 2 сеней), в третьей — «покои в которых имелись канфетные и протоиные (портомойные. — А. А.)» (6 светлиц и кирпичная караульня с дощатым помостом, «где стоят солдаты во фрунте и пушки становяца»)⁸⁵.

Возможно два небольших корпуса светлиц генерал-адъютантов, продолжая боковые стороны П-образного дворца, образовывали за его воротами свой собственный малый двор. А последний — хозяйственный двор был просто небольшой площадкой с корпусом из 6 светлиц и караульней, наверняка обращенной к Никольским воротам Кремля, непарадному, второстепенному въезду на территорию резиденции. Главным въездом в резиденцию вновь стали Спасские ворота.

Возвращаясь к первой, главной части дворцового комплекса, стоит обратить внимание на набор помещений. Императрица занимала 13 комнат слева от входа со стороны улицы⁸⁶, куда вели сени с парадным крыльцом со стороны Троицкой улицы. У Бирона было 7 комнат с сенями и отдельным входом со стороны двора (возможно, покои Бирона находились справа от главного от входа)⁸⁷. Левенвольде размещался в 4 комнатах также с сенями и выходом во двор⁸⁸. Салтыков жил в 5 комнатах без самостоятельного входа⁸⁹. Устройство жилой части дворца напоминает многоквартирный дом, в котором выделяется самая дорогая квартира — апартаменты императрицы.

Наряду с императорской столовой и аудиенц-залом во дворце были еще два публичных помещения: «зал великой»⁹⁰ с дежурной передней при нем и церковь⁹¹ с прихожей и двумя сенями с выходом во двор. Любопытно, что в первоначальном виде дворец не предполагал большого зала. Возможно, строивший его Растрелли посчитал, что существующие

85 «Опись кремлевского ея императорского величества деревянного дома что подле цехауса» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 2–11).

86 Функциональный состав этих комнат: прихожая, 5 покоев без назначения, столовая, аудиенция, крестовая с покоем перед ней, спальня с покоем перед и после нее. Самой большой (10 окон) была столовая, спальня — 5 окон, аудиенция — 4 окна (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 2 об.–3).

87 Состав помещений: прихожая с покоем перед ней, спальня, детская, кабинет с покоем перед ним, 2 покоя без назначения. Единственной большой комнатой был кабинет, имевший 7 окон (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 4 об.).

88 Состав помещений: передняя, спальня с покоем перед ней, 1 покой без назначения. Передняя была самой большой из комнат, в ней было 3 простых и 3 двойных окна, в спальне — 3 простых (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 8).

89 Состав помещений: передняя, спальня с покоем перед и после, контора. Выделяется спальня с двумя двойными окнами (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 6).

90 В нем было 17 окон с фрамугами, и 13 окон на хорах (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 7).

91 6 окон, из них 4 двойные (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 7 об.).

парадные помещения средневекового Кремлевского дворца (Грановитая и Золотая палаты) будут продолжать выполнять необходимые церемониальные функции. Тем не менее императрица, возвратившись из Измайлова 18 (29) октября 1730 года в новый, только что законченный дворец, уже 13 (24) ноября «изволила указать имянным своим указом сделать в новом доме, что против цейгоуса внутри двора великой сал, а к тому строению всякие материалы покупать и мастеровых людей нанимать ис канторы интендантских дел, а на оное строение принять из камор цалмейстерской канторы на расход д[e]н[e]г три тысячи рублей»⁹². В январе зал уже был готов, и Анна Иоанновна в нем давала аудиенцию китайскому посольству 26 января (6 февраля) 1731 года⁹³.

Архитектурными особенностями зала являлись его высота (об этом свидетельствовали окна с фрамугами) и габариты (единственное помещение, в котором было 30 окон). Точные размеры залы неизвестны, но можно обсудить косвенные данные. На плане зимнего Анненгофа из варшавской Национальной библиотеки надпись гласит: «оная зала в: 742 м году», то есть к коронации Елизаветы Петровны зал был перестроен, скорее всего, увеличен. Его размеры согласно масштабной линейке: 15 саженей 3 аршина на 10 саженей 4 аршина (приблизительно 33 × 24 м). Значит, первоначальный аннинский большой зал был несколько меньше. Некоторый свет на этот вопрос проливает «Прошение» итальянского капельмейстера Томмазо Ристори, в феврале 1731 года находившегося в Москве с труппой. Ему поручили построить «передвижной театр», что он «сделал с невыразимым трудом; [...] театр был готов в том виде, о котором можно только желать, чтобы играть в нем разные комедии, оперные спектакли, и в коем имелся амфитеатр, вмещавший 600 персон» [48, с. 175]. Этот театр был привезен из Немецкой слободы в Кремль и в нем начиная с 26 февраля (9 марта) прошло несколько представлений. Его смонтировали в «большом сале» и неоднократно разбирали. «По случаю разных мероприятий, — писал Ристори, — мне приходилось повторять это семь раз» [48, с. 175, 187, 188]. По современным нормам зрительный зал со сценой, рассчитанный на 600 человек, должен быть минимум 1000 кв. м (25 × 40 м). Несомненно, «нормы» в те времена были несколько

92 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41089. Л. 9.

93 «Ведомости» отмечали новый зал, описывая это посольство: «Та Аудиенц-зала сделанная вновь и убранная преизрядными уборами со всякою магнифиденциею» (СПВ. 1731. №7. Церемониал. С. 7).

иные. Построенный в Зимнем Анненгофском дворце для Елизаветы Петровны зал имел площадь приблизительно 792 кв. м. Аннинский если и был немного меньше, то незначительно⁹⁴. Одно можно отметить совершенно точно, этот зал был самым большим в ряду парадных помещений Москвы и Петербурга первой трети столетия. Грановитая палата имела площадь 677,31 кв. м, Столовая палата Лефортовский дворец — 324 кв. м, Большой (Андреевский) зал Зимнего дворца Петра I — 207 кв. м.

На протяжении всего 1731 года большой зал Аннинского Кремлевского дворца служил местом главных придворных торжеств, посольских аудиенций и театральных представлений.

Последний вопрос касается внутреннего убранства дворца. Следует оговориться, что судить об этом приходится по документам, составленным после того, как дворец был покинут императрицей и ее двором. С одной стороны, переезд в Петербург был важным государственным событием, вторым после коронации явлением государыни своим подданным в пространстве города-резиденции, что требовало использования всех средств, этому способствующих. С другой, как любой переезд в эту эпоху, он предполагал демонтаж и перевоз всего дворцового скарба. Во дворце осталось только то, что невозможно было забрать, поэтому известно, что здесь были печи с гладкими, живописными и рельефными изразцами; камины с зеркалами, плиточной и штукатурной отделкой; штукатурные или подбитые холстом, выбеленные потолки; двери столярной и простой работы с замками; окна с мелкой расстекловкой. Таким выглядело убранство большинства помещений. Исключение — императорская спальня и большой зал. Спальня была оформлена над дверями и у камина ореховыми панелями с флоральным резным орнаментом, имела дубовый штучный пол и живописный плафон на потолке. В большом зале находились хоры, огражденные балясинами, «мраморные» столбы с золочеными и посеребренными статуями, живописный плафон над основной частью зала⁹⁵. Клавдий Рондо, смотревший церемонию аудиенции китайского посольства, сообщил некоторые детали, которые отсутствуют в архивных описях. Стены зала украшали пилястры, «отделанные материей с серебряным фоном, по которому вышиты были от руки самым мелким шитьем как живые

94 Площадь зала в Летнем Анненгофском дворце Анны Иоанновны — 712, 97 кв. м.

95 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41160. Л. 7; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41193. Л. 186.

цветы». Многочисленные окна декорировали занавесы красного бархата. «Поверх занавесей, окаймляя всю залу, спускался опять красный бархат, украшенный золотым галуном и золотыми сборками в виде фестонов». В глубине зала был устроен помост в длину торцевой стены для придворных, в центре его возвышался на подиуме из 6 ступеней, покрытых золотым ковром, трон под балдахином, отделанный красным бархатом с золотыми шитьем и бахромой. Перед помостом стояла балюстрада, отделявшая пространство двора с государыней от подданных [46, с. 285–286].

Последнее публичное помещение дворца — церковь. Все, что о ней известно, кроме факта упоминания в описях 1732 и 1736 годов⁹⁶, связано с перенесением в нее иконостаса домового церкви Петра I, находившейся на Кормовом дворе кремлевского комплекса⁹⁷. Согласно документам, ширина Петропавловской церкви была около 3 сажень (около 6,5 м) [25, с. 78–79], иконостас имел пять ярусов и венчался распятием [34, с. 327]. Был ли весь этот иконостас размещен в дворцовой церкви Анны Иоанновны, неизвестно.

В первые месяцы пребывания в Москве императрицы Анны Иоанновны складывается конфигурация ее власти, формулируется внутривластный курс правления и оформляется композиция двора (назначены главы всего придворного ведомства, высшие чины и служители, определен круг их обязанностей). Следствием этих действий, как показала Ольга Агеева, стало «увеличение политического веса двора в государственных структурах», а частным проявлением — рост придворных расходов [1, с. 108].

На этом фоне становления имиджа новой правительницы Российской империи актуализировались определенные аспекты артикуляции власти, которые не были характерны для Петровской эпохи и постепенно начали проявляться лишь в последние годы правления Петра I. Четвертая по счету российская императрица вернула Кремлю статус резиденции и поддерживала его все два года пребывания в Москве, прежде всего обновив его пространство новым дворцом, размеры,

96 Остается неизвестным ее посвящение.

97 Церковь Св. Петра и Павла построена в 1684 году, была последней придворной церковью, устроенной в Кремле в XVII — начале XVIII века.

убранство и функционирование которого вполне вписывались в современное европейское представление о жилище правителя как визуальном образе, отражающем своего владельца. Правительница огромной страны построила себе большой собственный дом, отвергнув наследие как своего великого дяди, так и деда и прадеда. Петровское не устраивало размерами и местоположением, дедовское было эстетически и функционально устаревшим. Произошла «модернизация» Кремля.

Главная петровская локация Москвы, **Преображенское**, никак не фигурировало в пространстве аннинского пребывания⁹⁸. Что неудивительно, так как бюргерские размеры любимого жилища Петра не подходили для масштабов аннинского двора. По описи во дворце было 7 жилых помещений, токаря и казенная комната. Вплоть до 1739 года он сохранился с полной комплектацией своего внутреннего убранства⁹⁹, что наводит на мысль о намеренной мемориализации этого здания. В сохранившихся документах нет ни одного упоминания о посещении Анной Иоанновной этой постройки.

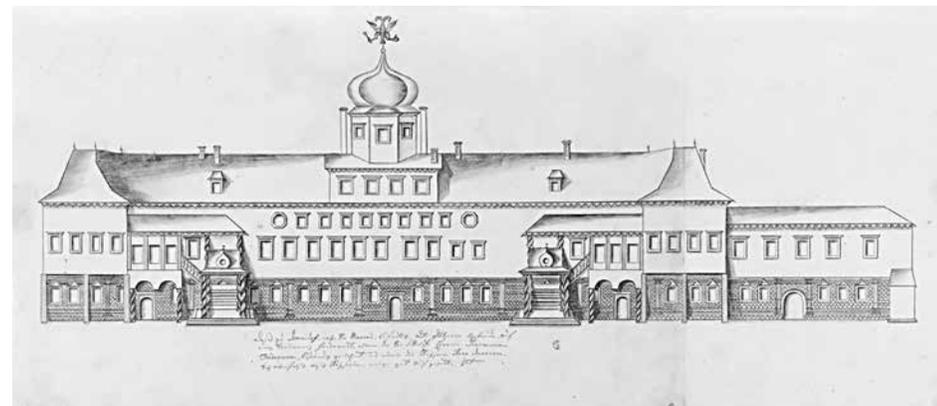
В качестве летней резиденции в 1730 году императрица выбрала хорошо ей знакомое с детства **Измайлово**, тем самым предпочтя второй по величине в ряду всех царских подмосковных усадеб и более современный загородный дворец, возведенный в 1702–1703 годах¹⁰⁰. Его внешний облик известен по гравюре И. Зубова «Измайлово» (1728–1729) и чертежу из коллекции Ф.-В. Берхгольца¹⁰¹. (Ил. 10.) Это было достаточно большое здание, первый этаж которого представлял собой старый кирпичный служебный корпус XVII века. Над ним возвели симметричную двухэтажную надстройку в 26 оконных осей с башнеобразной двухярус-

98 Перед отъездом в Измайлово летом 1730 года Анна Иоанновна потребовала перевезти туда «хоромы нового преображенского» дворца (Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41089. Ч. 1. Л. 1–2). Видимо, в Измайлово не хватало построек для размещения семьи и двора. По каким-то причинам этот указ был отменен. Дворец продолжал стоять. В 1735 году по указу императрицы составлялась опись дворца и из него вывозили вещи в Петербург (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41172. Л. 18–25). Опубликовано П. О. Боровским: [12, с. 226–230].

99 «... в нем во всех покоях всякия уборы и казенные вещи» [12, с. 226]. Дворец сгорел в 1741 году.

100 Существовавшие в Измайлово царские деревянные хоромы 1676–1678 годов, где прошло детство Анны Иоанновны, в 1702 году разобрали и построили новое здание [17, с. 49–50].

101 Национальный музей, Стокгольм, ТНС 9076:67:1.

10. Неизвестный художник
Фасад Измайловского дворца. 1740-е
Бумага, карандаш. 23,5 × 53,5
Национальный музей, Стокгольм,
ТНС 9076:67:1

ной надстройкой в центре. Во дворец вели два симметрично расположенных крыльца. С правой стороны к нему примыкал двухэтажный корпус с пятью широко расставленными окнами. Интерес представляет центральная часть фасада, где над прямоугольными окнами второго этажа появляются 8 маленьких квадратных и 2 восьмиугольных окошек. Этот прием, с одной стороны, может говорить об устройстве в этой части здания двухсветного зала, а с другой — напоминает оформление центральной части фасада Лефортовского дворца¹⁰². Аргументом в защиту этого наблюдения может служить описание Берхгольцем комедии, которую он смотрел в Измайловском дворце 31 октября (11 ноября) 1722 года. Спектакль проходил в зале, где сидело «большое общество здешних дам и кавалеров», а сцена, которую закрывал занавес «была устроена весьма недурно» [9, с. 477]. Устройство театрального представления предполагало достаточно вместительное помещение; известно, что в домах знати петровской Москвы спектакли ставились только в Столовой палате Лефортовского дворца.

102 Новый измайловский дворец был построен вскоре после завершения строительства Лефортовского дворца в 1699 году. Не исключено, что он стал своеобразным деревянным его парафразом.

Известно, что в течение 1720-х годов в Измайловском дворце неоднократно проходили приемы, которые устраивала дочь царицы-вдовы Прасковьи Федоровны герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна Берхгольц, неоднократно здесь обедавший и танцевавший, заметил, что «убранство их (дочерей царицы Прасковьи. — А. А.) комнат везде очень плохо» [9, с. 469].

Нет сведений, но нет сомнений, что к приезду императрицы дворец был приведен в порядок. И тот придворный обиход (еженедельные публичные аудиенции), который потом неукоснительно реализовывался в кремлевском деревянном доме, был заведен именно здесь¹⁰³.

Анна Иоанновна провела в Измайлове почти четыре месяца, и придворная жизнь была весьма насыщенной. За это время здесь дважды проводили маневры Преображенского полка, причем на вторых, 26 июля (6 августа), императрица присутствовала «яко полковник», и военные учения напольных полков; регулярно проходили приемы послов (приватные и официальные аудиенции шведского посла Дитмара, австрийского посла Владислава, прусского посла Мардефельда, графа Потоцкого, бухарского хана посла Аит Баки, калмыцкого князя посла Цоинамка, нидерландского посла де Дие, польского посла Лефорта, прием «с великим церемониями» персидского посла Мирзаи Ибрагима); посвящение герцога Бирона в римские государственные графы; празднование кавалерского дня св. Александра Невского и годовщины Ништадтского мира; тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны и дня рождения царевны Параскевы Ивановны; а также дважды в неделю устраивались официальные аудиенции, «куда иностранные министры и множество протчих здешних и иностранных знатных особ мужескаго и женскаго пола приезжает», и заседания Сената по средам и субботам¹⁰⁴. Отдельные мероприятия сопровождалась торжественными трапезами и балами. Измайловскую резиденцию можно назвать «колыбелью» двора императрицы Анны Иоанновны, здесь оттачивались его режиссура и сценография.

В отличие от Преображенского, последняя яузская резиденция Петра, **Головинская усадьба**, оказалась в поле интересов императрицы.

103 Анна Иоанновна издала указ о днях регулярных аудиенций 31 мая (12 июня) 1730 года (СПВ. 1730. № 46. С. 182), через неделю по прибытии в Измайлово 24 мая (5 июля).

104 СПВ. 1730. № 46. С. 182; СПВ. 1730. № 48. С. 192; СПВ. 1730. № 52. С. 208; СПВ. 1730. № 54. С. 215; СПВ. 1730. № 67. С. 268; СПВ. 1730. № 74. С. 290; СПВ. 1730. № 75. С. 300; СПВ. 1730. № 83. С. 331.

С этой усадьбой она, несомненно, была знакома и видела ее, когда та создавалась адмиралом Ф. Головиным в первые годы столетия, как образец нового для россиян светского пространства жизненного обихода. Анна Иоанновна наверняка бывала здесь и позднее, приезжая на коронации Екатерины I и Петра II. В это время Головинская усадьба, перейдя в собственность Петра I, подверглась реконструкции по воле нового хозяина [23, с. 472]. Ее территория увеличилась в два раза, и стала похожа, по мнению Берхгольца, на «прекрасный сад со многими фонтанами и каскадами» [9, с. 325–327]. Здесь появились каналы, пруды, беседки, партеры, шпалерные дороги, грот, менажеря, статуи и светлицы¹⁰⁵. Несмотря на все преобразования, скромная голландская усадьба адмирала Головина превратилась всего лишь в солидную голландскую усадьбу императора Петра I, одну из многих, в ряду тех, что строились по воле государя на берегах Невы, Финского залива и в Прибалтике в 1700–1720-х годах, начало которым было положено Летним садом. Весьма показательно новое строительство, инициированное царем в усадьбе в 1723 году, десяти жилых светлиц, в первом этаже которых было решено разместить «скатерную избу, погребы, закромы, хлевы, курятник, место, где уголье класть» [20, с. 40, 137]. Даже став императором государства Российского, Петр не изменял своим бюргерским привычкам.

Анна Иоанновна воспользовалась Головинской усадьбой в период коронационных торжеств, как бы отдав дань своим коронованным предшественникам, Петру и Екатерине, жившей здесь во время своей коронации. Вокружении иностранных послов, дам и кавалеров знатных фамилий, которых было «до 200 персон», она слушала музыку и смотрела танцы в зале Головинского дворца. Затем «гуляла в огороде, где в поставленных в шатрах были столы с конфетами», прохладительные напитки и «изящные вина», до вечера, когда все чудеса голландского сада Петра — аллеи, лестницы, фонтаны и беседки — осветились иллюминацией из 20 000 лампад. День закончился ужином на 300 персон в палатах Головина [35, с. 42]. Посланник Рондо провидчески назвал это место в своем отчете о коронационных торжествах при российском дворе садом Летнего дворца [46, с. 186].

Существующая Головинская усадьба даже в редакции Петра не соответствовала амбициям Аннинского двора. «Ваше превосходительство

105 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41153. Л. 23–38.

не может вообразить себе, — писал в Лондон английский посланник, — до какого великолепия русский двор дошел в настоящее царствование несмотря на то, что в казне нет ни гроша» [46, с. 472]. Незадолго до 19 (30) января 1731 года, дня восшествия на престол, императрица Анна Иоанновна издала указ «построить в Головинский дом хоромы в самой скорости»¹⁰⁶. Этот указ появился на фоне бесконечной череды праздничных мероприятий, в которые погрузился российский двор в начале года. Большая их часть происходила в новом Зимнем дворце. Вот их хронология:

1 (12) января — празднование Нового года.

6 (17) января — Богоявление, торжество водосвятия.

14 (25) января — торжественный въезд в Москву китайского посольства.

19 (30) января — годовщина восшествия на престол Анны Иоанновны.

26 января (6 февраля) — публичная аудиенция китайского посольства в Зимнем дворце.

28 января (8 февраля) — празднование дня рождения Анны Иоанновны.

3 (14) февраля — празднование тезоименитства Анны Иоанновны.

7 (18) февраля — начало масленичного маскарада при дворе.

15 (26) февраля) — годовщина торжественного въезда Анны Иоанновны в Москву.

26 февраля (9 марта) — первое выступление итальянских артистов в театре, устроенном в Зимнем дворце.

28 февраля (11 марта) — окончание масленичного маскарада¹⁰⁷.

Очевидный размах придворных торжеств и плотность дворцовых событий, пространством для которых стал новый Кремлевский дворец императрицы, свидетельствовали о сложении определенной формы функционирования аннинского двора, о том, что он приобретал все более отчетливые черты, соответствующие авторитарной форме абсолютизма.

В качестве примера повторяющегося сценария придворного праздника можно привести официальное описание всех мероприятий, про-

106 РГАДА. Ф. 248. Кн. 610. Л. 120, 121.

107 СПб. 1731. № 3. С. 12; СПб. 1731. № 4. С. 16; СПб. 1731. № 6. С. 24; СПб. 1731. № 8. С. 34; СПб. 1731. № 9. С. 38; СПб. 1731. № 10. С. 42; СПб. 1731. № 12. С. 59; СПб. 1731. № 13. С. 60; СПб. 1731. № 15. С. 62; СПб. 1731. № 19. С. 78.

шедших 19 (30) января во дворце, Кремле и городе, которое было опубликовано в «Санктпетербургских ведомостях»:

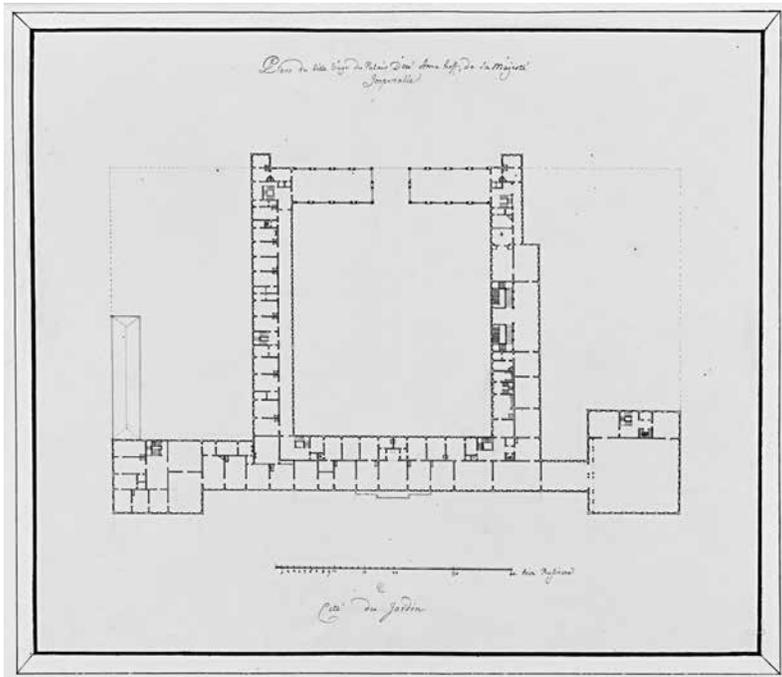
Третьего дня по есть 19 дня сего месяца отправлялось при дворе торжество дню восшествия Ея Императорскаго Величества на Российский престол зело преславно, чего ради по утру при дворе все иностранные и здешние министры и протчие знатные особы мужескаго и женскаго пола в великом множестве собрались и Ея императорскому Величеству поздравительные комплементы отдали, и потом Ея императорское Величество в придворную церковь проводить честь имели, в которой по окончании службы Божией, так как и во всех протчих соборных церквах веть стих Тебе Бога хвалим привыпалении трех салвов от стоящих в Кремле и около императорскаго дворца в параде полков Лейбгвардии. По полудни был при дворе бал, а к вечеру были все знатные особы при разных убранных столах преславно трактованы. Пред Императорским дворцом была преизрядная и зело искусно устроенная иллюминация, якоже и все улицы и дворы сего города ради такого радостнаго дня всю ночь иллюминированы были¹⁰⁸.

Заказанная Анной Иоанновной перестройка Головинской усадьбы, как и в случае с Кремлевским дворцом, предполагала создание принципиально нового сооружения¹⁰⁹. «Я построил, — писал Растрелли в “Реляции”, — также большой деревянный дворец в два этажа, не считая каменных подвалов, называемый Анненгоф, коего фасад, со стороны Москвы, имел более 100 туазов длинны...» [8, с. 75]. В отличие от Кремля, на берегу Яузы архитектор был ничем не ограничен. Оставив петровский вариант усадебного комплекса без изменений (можно даже предположить, что эта территория воспринималась как мемориал¹¹⁰), он спроектировал грандиозный ансамбль-резиденцию в духе поздних петровских инициатив, начало которым было положено приглашением А. Леблона и намерением построить Версаль

108 СПб. 1731. № 8. С. 34.

109 Основные вехи создания аннинского Анненгофа изложены с опорой на архивные документы О. С. Евангуловой [20, с. 46–61, 115–120].

110 Были снесены только петровские светлицы, но они изначально мыслились как временная постройка [20, с. 137].

11. Неизвестный художник
План Летнего Аннегофского дворца. 1730-е
Бумага, тушь, перо, кисть, акварель.
31,5 × 36,5
Национальный музей, Стокгольм,
ТНС 9076:27:1

в Стрельне¹¹¹. Дабы продемонстрировать преемственность, новый ансамбль был композиционно увязан со старым, используя в качестве главной оси направление, которое было задано Крестовым прудом и двойным партером Головинского сада¹¹². (Ил. 11.) Дворец представлял собой пространственную структуру, составленную из протяженного

111 Первый вариант ансамбля известен по чертежу из ГИМ [20, с. 52]. План дворца и фасады сохранились в Тессин-Хорлеманской коллекции (Национальный музей, Стокгольм, ТНС 9076:27:1 — план; 29:1, 29:II, 30:1, 30:II, 31:1, 31:II, 31:II, 32:1, 32:II, 33:1, 33:II — фасады).

корпуса парадных помещений, обращенного к партеру, Яузе и Москве, и замкнутого парадного двора, образованного двумя Г-образными флигелями. С этой стороны осуществлялся подъезд ко дворцу и выход в огромный регулярный сад. В здании, по мнению Растрелли, было 220–400 комнат¹¹³, Рондо писал об «около 300 комнатах» [46, с. 337]. Согласно описи 1734 года, на втором парадном этаже было 78 помещений разного назначения («покоев»), не считая нескольких сеней (вестибюлей с лестницами), галерей, чуланов, кухни, мыльни и других служебных комнат, на первом (служебном) этаже — 47 «покоев»¹¹⁴. В любом случае это — первый дворец Растрелли с полноценной сквозной анфиладой парадных помещений, предполагающей длительное церемониальное движение по ней¹¹⁵. И первый дворец такого типа, который был построен в России в первой трети XVIII столетия.

Любопытно, что, отвергнув концепцию петровского жилища, Анна Иоанновна не отказалась от германоязычного подхода к наименованию резиденций. Задуманная на Яузе императорская усадьба с самого начала именовалась в документах Анненгоф.

Императрица смогла воспользоваться этим дворцом — лето 1731 года с 15 (26) июля по 25 октября (5 ноября), три с лишним месяца, она с двором провела здесь, несмотря на то, что новый сад был в процессе разбивки. Документы, освящающие светскую хронику этого периода, не дают никакой особой информации о значимых мероприятиях. Хотя уже заведенный порядок еженедельных аудиенций здесь

112 Появились при реконструкции усадьбы 1722–1723 годах. В законченном виде ансамбль Анненгофа изображен на чертеже 1740-х годов из Национальной библиотеки в Варшаве, R. 5374/WAF.99.

113 В «Реляции» 1755 года — «более 220», в «Реляции» 1764 года — «более 400» [8, с. 75].

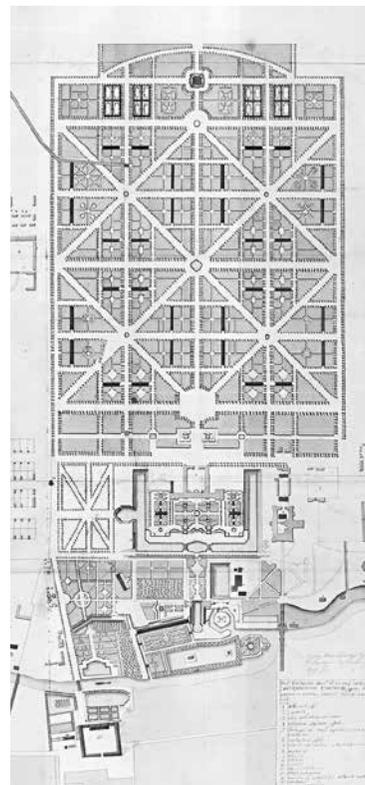
114 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41154. Л. 20–39.

115 Растрелли добивался этого эффекта, располагая главную парадную лестницу и главный зал дворца на большом расстоянии друг от друга, причем и то и другое он не стремился совмещать с главной осью здания. Для всех жилых построек, в том числе и дворцов петровского времени было характерно расположение главного зала на центральной оси сооружения и парадной лестницы либо на этой же оси (Меншиков дворец), либо рядом с залом (последний Зимний дворец Петра I). Функция церемониального движения была не актуальна, так как полноценного двора в это время не существовало [1, с. 29–95].

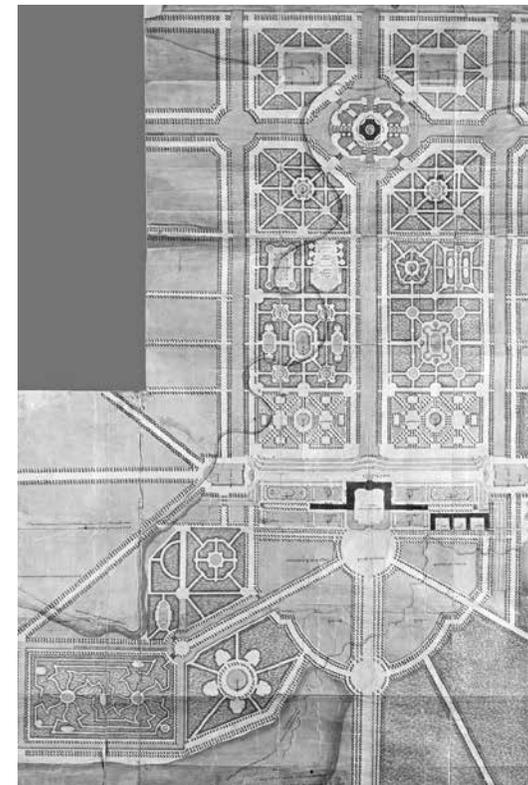
В Летнем Анненгофском дворце парадные сени располагались в левом флигеле и от них проход по анфиладе до столовой залы предполагал движение через 5 помещений, анфилада вдоль главного фасада насчитывала 19 помещений и заканчивалась Большим залом, в центре этой анфилады на главной оси здания находилась спальня императрицы с альковом. Подсчет помещений сделан по плану дворца из Тессин-Хорлеманской коллекции (Национальный музей, Стокгольм, ТНС 9076:27:1).

наверняка соблюдался. Самым заметным событием стали спектакли итальянской труппы, для чего театр собрали в здании манежа. Есть свидетельства, что, как и в Зимнем дворце, в Летнем Анненгофе спектакли шли также в большом зале дворца [48, с. 204–206]. Анненгофский «театральный сезон» длился весь сентябрь, захватив в свою орбиту кавалерский праздник св. Александра Невского. Этому даже не помешала смерть царицы-вдовы и первой супруги Петра I Евдокии Федоровны (в иночестве Елены), погребение которой прошло без участия Анны Иоанновны, находившейся в Анненгофе¹¹⁶. 1 (12) октября Х.Б. фон Миних, приехавший из Петербурга, передал императрице 10 ананасовых деревьев, которые «изволила Ея Императорское Величество милостиво принять и зело удивляться»¹¹⁷. 8 (19) октября ушла из жизни младшая сестра Анны Иоанновны царевна Параскева Иоанновна, после чего до отъезда в Москву императрица в Анненгофе, объявив траур, приняла 17 (28) октября «всех министров сожалительные комплементы»¹¹⁸, а весь двор погрузился в траур на 6 месяцев¹¹⁹.

Взаимодействие Анны Иоанновны с московским дворцовым наследием Петра I показало, что из всего того, что ей досталось актуальным оказалась только локация Головинской усадьбы. Концепция бюргерского дворца и голландского сада была отвергнута, а исполнявший заказы императрицы архитектор Растрелли, уловив новые настроения, ориентировался на хорошо ему известные проекты, которые в Петербурге создавались под влиянием французских впечатлений Петра (ансамбль Стрельны) и которые были инициированы после принятия российским царем титула императора (последний Зимний дворец). В Москве в 1730–1731 годах эта тенденция получила продолжение, здесь утверждалась актуальная для новой российской власти версия репрезентативного дворцового комплекса. (Ил. 12, 13.)

12. Неизвестный художник
План генеральной анненгофского саду и при нем Ея Императорского Величества дома летней и зимней и протчия стоении 1743. Фрагмент
Бумага, тушь, перо, кисть, акварель. 173 × 76
Национальная библиотека, Варшава, R.5374/WAF.99

13. Жан-Батист-Александр Леблон
Сад и дворец в Стрельне. Генеральный план. Проект. 1717
Бумага. Тушь, перо, кисть, акварель. 178 × 119
Государственный Эрмитаж, ОР-4334

116 Царица-вдова Евдокия (инокиня Елена) Федоровна умерла 27 августа (7 сентября) и похоронена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря 31 августа (11 сентября) 1731 года (СПВ. 1731. № 72. С. 292).

117 СПВ. 1731. № 81. С. 328.

118 СПВ. 1731. № 85. С. 343.

119 Указ о трауре от 13 (24) октября 1731 года (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44).

Феномен личности императрицы Анны Иоанновны определяется особенностями ее жизненного пути. Как представительница царской семьи, она была воспитана по правилам, соответствовавшим историческим традициям, однако среда, в которой проходили ее детство (новый измайловский дворец), юность (новый город на берегу Невы), зрелось (провинциальный немецкий княжеский город), способствовала модернизации представлений русской царевны о репрезентативных функциях власти, но сама концепция авторитарного правления как единственно возможной осталась для нее неизменной. Взойдя на российский трон, она занялась строительством современного российского двора, средневековая конструкция которого была разрушена ее великим дядей, видя в этом необходимый инструмент стабильного существования своей власти как гаранта благополучия империи.

Обращаясь к наследию, императрица выбирала те его элементы, которые в полной мере работали на создание убедительного образа абсолютистской власти. Формы публичной жизни — шествия, временная архитектура, фейерверки — были приняты, но переосмыслены в сторону исключительно артикуляции фигуры правительницы. Дворцы, созданные ранее (как до Петра, так и при нем) оказались не востребованными, однако историческое место царской резиденции — Кремль — было реабилитировано новым современным дворцовым строительством. Российская власть, благодаря Анне Иоанновне, вновь водворилась там, где обитала последние несколько столетий. Одно из нововведений Петра, которое он упорно внедрял в свой личный обиход и навязывал окружению, — увеселительная форма загородной усадьбы, было принято Анной Иоанновной, однако, получив в наследство скромную Головинскую усадьбу, она заменила ее роскошным Анненгофом, используя в качестве образца не московский, а петербургский опыт новых царских резиденций. Главной особенностью московского периода дворцового строительства императрицы стало стремление к реализации в архитектуре репрезентативных церемониальных функций, что выразилось в увеличении количества комнат, появлении большого (тронного) зала, выстраивании линейных анфилад, удобных для различных публичных придворных мероприятий, количество которых резко возросло в аннинское время.

Находившиеся в Москве иностранцы отмечали «великолепие русского двора» и огромные траты. В глазах меркантильно настроенных посольских служащих, это выглядело неразумно, хотя цель подобных действий власти была понятна и ясно прочитывалась. Российская императрица действует так, «пытаясь убедить мир, что ее пребывание будет великим временем», — писал шотландский аристократ и военный Джеймс Кейт [18, с. 11]. В 1730–1731 годах российская власть в лице императрицы Анны Иоанновны начала внедрять концепцию «цивилизованной роскоши»¹²⁰, основанную на «этом статусного потребления»¹²¹, показывающего особое положение правящей элиты по отношению к остальной части подданных. Эти действия свидетельствовали о завершении эпохи харизматического правления великого Петра, внутри которой были возможны всяческие нарушения социальных правил, и переходе российской власти к устойчивой системе единоличного правления в форме абсолютизма [51, с. 29–69].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008.
2. Алексеева М. А. Из истории русской гравюры XVII — начала XVIII в. СПб.: Альянс-Архео, 2013.
3. Алексеева М. А. Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. Каталог выставки. Л.: Государственный Русский музей, 1978.
4. Аронова А. Архитектура аннинского времени: рождение образа империи // Художественная культура. 2024. № 3. С. 260–281.
5. Аронова А. А. Азовский триумф 1696 года как первое государственное торжество Петра I. К вопросу о сложении сценографии публичного праздника Нового времени // Искусствознание. 2006. № 6. С. 61–83.
6. Аронова А. А. Образ власти в коронационных декорациях XVIII века // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Сб. статей в 2 кн. Кн. II. М.: БуксМАрт, 2020. С. 93–151.

120 Посланник Клавдий Рондо отметил «высшую степень цивилизованной роскоши (*polite luxury*), достигнутой Россией в непродолжительное время» [46, с. 190].

121 Выражение Норберта Элиаса [51, с. 81].

7. Аронова А. А. Триумфальные маршруты Петра I как прецедент формирования светского публичного пространства: Азов, Полтава, Дербент // Искусствознание. 2022. № 4. С. 148–185.

8. Батовский С. Архитектор Растрелли о своих творениях. Материалы деятельности мастера с 65 ил. К 300-летию со дня рождения архитектора Ф.-Б. Растрелли / Сост. Ю. М. Денисов, пер. с пол. А. Ю. Грязнова, пер. с фр. к. филол. н. С. З. Ластовка. СПб.: Студия Александра Зимина, 2000.

9. Берхгольц Ф.-В. Дневник // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова. 2000.

10. Берхгольц Ф.-В. Дневник // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

11. Болотина Н. Ю., Кононова А. Ю., Болотина М. О. Петр I в кругу семьи. Исследование и документы. М.: Кучково поле, 2023.

12. Боровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к I-му тому. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900.

13. Бруин К., де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989.

14. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / Пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 4. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

15. Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат. 1989.

16. Гордон П. Дневник. 1690–1695 / Пер. с англ., статья и комментарии Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2014.

17. Датиева Н. С. Архитектурный ансамбль Измайловского острова в конце XVII века // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 11. М., 2008. С. 38–52.

18. Джеймс Кейт. Записки // Источник. Документы русской истории. 2000. № 4 (46). С. 6–11.

19. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами. 1616–1792. Казань, 1882.

20. Евангулова О. С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

21. Желудков Д. Новые материалы о дворцовом строительстве в Москве Петровского времени // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М.: Мосархив, 1977. С. 120–128.

22. Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Типо-литография Т-ва А. И. Мамонтова, 1902.

23. Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. II. М.: Тип. Грачева и К., 1873.

24. Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М.: Едиториал URSS, 2002.

25. Извеков Н. Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке. Церковно-историко-археологическое исследование // Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 2. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1906.

26. Исаева Е. В. Неизданный коронационный альбом императора Петра II // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Сб. статей в 2 кн. Книга II. М.: БуксМАрт, 2020. С. 391–406.

27. Корндорф А. Приют отшельника и гастронома. Русские эрми тажи XVIII века // Искусствознание. 2014. № 1–2. С. 270–296.

28. Краснолуцкий А. Комментарии. Архитектурные чертежи и планы Санкт-Петербурга (1730–1740) из коллекции Берхгольца. СПб.: Крива, 2017.

29. Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Петр I: документы и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2018. С. 25–47.

30. Малиновский К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб.: Левша, 2017.

31. Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб.: Крива, 2008.

32. Милорадович Г. А. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. по старшинству дня назначения: Генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры, флигель-адъютанты, состоящие при особах, и бригад-майоры. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1886.

33. Морохин А. В. Придворная медицина в России в петровскую эпоху. 1682–1733 гг. М.: Кучково поле, 2024.

34. Николаева М. В. Иконостасное строительство последней трети XVII века. «Столярство и резьба», золочение, иконописные работы. М.: БуксМАрт, 2021. Т. 2.

35. Описание коронации ея величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, в апреле 1730 г. Печатано в Москве: При Сенате, 31 окт. 1730.

36. Павленко Н. И. Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006.

37. Перро Ф. Роскошь. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.

38. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001.

39. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 8.

40. Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1854.

41. Походный журнал 1714 года. СПб., 1854.

42. Рахматулин Р., Михайлов К. Волхонка и Чертолье // Архнадзор. 22 марта 2022. URL: <https://www.archnadzor.ru/2012/03/22/volhonka-i-chertol-e/> (дата обращения: 15.08.2025).

43. Руммель В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб.: Изд. А. С. Суворина. 1886. Т. II.

44. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2004.

45. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. К. Матисена, 1888. Т. 61 (Донесения Ч. Витворта).

46. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. К. Матисена, 1889. Т. 66 (Донесения Т. Уарда и К. Рондо).

47. Семевский М. И. Царица Прасковья, 1664–1723: Очерк из русской истории. СПб., 1861.

48. Старикова Л. Театральная жизнь в России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника, 1730–1740. Вып. 1. М.: Радикс, 1996.

49. Топычканов А. В. Новодевичий монастырь как царская резиденция: к вопросу о монастырях-резиденциях XVII в. // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: 2023. С. 168–175.

50. Тюхменева Е. А. «Планы потехам и другие разные»: к вопросу о деятельности Академии наук во второй половине 1720-х — петровой половине 1730-х гг. (по материалам РГАДА) // Академия, или Социетет

художеств и наук. Материалы XVII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2025. С. 127–145.

51. Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002.

52. Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001.